

Александра Багирова

Семья в долг

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69785341

0101

Аннотация

– Мужчина, отстаньте от меня! – в панике выдергиваю руку. – Кто вы вообще такой?!

– Я твой муж, – жадно вглядывается мне в лицо. До боли сжимает плечо.

– Что за чушь! – фыркаю. Липкий ужас расплзается в груди. Я его боюсь. Он опасен. Маньяк! Чудовище!

– Какая же ты дрянь, инсценировать свою гибель, ладно бросить меня, но оставить родного сына! – рычит мне в лицо.

– У меня прекрасная семья, муж и ребенок. А я вас вижу впервые! – кричу срывающимся голосом.

Что этому психу от меня надо? И почему его лицо кажется мне смутно знакомым?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	31
Глава 4	49
Глава 5	58
Глава 6	65
Глава 7	76
Глава 8	84
Глава 9	97
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Семья в долг

Автор: Александра Багирова

Глава 1

– Виктория! Тори! – вздрагиваю, неприятный холодок по спине пробегает.

Крик раздается из шикарного дорожущего автомобиля. Я его еще, когда выходила с рынка заприметила. В нашем маленьком городке такие тачки редкость.

– Прекрати меня игнорить! – хриплый голос водителя, будто кнутом по оголенным нервам проходится.

Краем глаза замечаю, что машина со мной поравнялась.

Чего я такая дерганная стала. Зовет он неизвестную Тори. Мне какое дело?

Отчего-то страшно. Пугает меня этот водитель, словно именно меня преследует.

Это центральная улица. Тут многолюдно. Еще светло. Причин для паники нет. А мне грудь будто когтями кто царапает. Все же ускоряю шаг. В руках тяжеленные пакеты, сегодня хозяин много фруктов списал, и я первой добралась до ящичков. Такие персики выцепила, загляденье! А виноград,

яблоки, лимоны, груши, пусть не первой свежести. Обрежу кое-где и вкуснотища. Еще и зарплату сегодня дали, у соседки со скидкой продуктов накупила.

Неугомонный мужчина в машине начинает оглушительно сигналить. У меня невольно ускорение включается. Практически бегу. В переулочек сворачиваю. Это ж надо накрутить себя на ровном месте!

Только успела выдохнуть, что все позади, как автомобиль появляется в переулке, на тротуар выезжает, преграждая мне путь. Из него выпрыгивает мужик в черной футболке и светлых джинсах. И на меня угрожающе надвигается. Хищника напоминает, готов разорвать. Темно-карие глаза сверкают звериным блеском, рельефные мышцы перекатываются под смуглой кожей. Он истощает опасность. Во рту мгновенно пересыхает.

– Вот и встретились, Тори! – хватает меня за руку. Пакет выпадает, и мои персики катятся по асфальту.

– Вы ошиблись, – от страха язык заплетается. – Я Лена.

– Серьезно? – черные глаза прожигают во мне дыру. Он смотрит с каким-то бешенством, алчностью, вглядывается в мое лицо, изучает. Кровь прилила к щекам. Мне стало нечем дышать.

– Абсолютно, – пытаюсь говорить уверенно. Нельзя показывать хищнику свой страх.

На вид ему за тридцать, черные блестящие волосы, прямой нос, высокие скулы, губы четко очерчены, не красавец,

но есть в нем какой-то магнетизм, что не дает отвести взгляд.

– Это все того стоило? – его ярость ощутима на физическом уровне. – Прекрати ломать комедию.

– Мужчина, отстаньте от меня! – в панике выдергиваю руку. – Кто вы вообще такой?!

Что этому холеному бешеному зверю от меня надо? Он перепутал меня с кем-то. Это очевидно. Но как теперь от него сбежать?

– Я твой муж, – до боли сжимает мое плечо. Через ткань куртки ощущаю его обжигающие пальцы. Стальная хватка мне не выбраться.

Смысл сказанного доходит не сразу. Медленно пробирается сквозь пелену страха.

– Что за чушь! – фыркаю. Липкий ужас расплзается в груди. Я его боюсь. Он опасен. Маньяк! Чудовище!

Не завидую я его жене. Но как доказать безумцу, что я не она?

– Какая же ты дрянь, инсценировать свою гибель, ладно бросить меня, но оставить родного сына! – рычит мне в лицо.

Вот это приплыли. И как на это реагировать? Я бы расхоталась, если бы не было так страшно. Ситуация до идиотизма комичная и при этом до жути опасная. Он же неадекват, я не знаю, на что способен. Может, закричать? А если шею мне свернет? Или в машину свою затолкает. Как назло, в переулке ни души.

– У меня прекрасная семья, муж и ребенок. А я вас вижу

впервые, – кричу срывающимся голосом.

Может так удастся до него достучаться? Сказать правду. И надо успокоиться, нельзя его провоцировать. Он же псих! Но вот странность, чем дольше смотрю в его лицо, тем больше оно мне кажется знакомым. Будто я уже где-то видела эти хищные черты.

Нет. Ерунда. Как говорят, у страха глаза велики. А тут он с этими нелепыми рассказами про жену и брошенного ребенка. А вдруг он от горя... того... свихнулся. На мгновение стало его жалко.

– Уже хахаля себе завела? Очередного олуха охмурила? – он все не понимает. Между черными бровями пролегла складка, взгляд парализует.

– Я вам еще раз повторяю, – стараюсь говорить спокойно, агрессия его еще больше из себя выведет. – Вы обознались. Я с мужем знакома много лет. Он единственный мужчина в моей жизни.

Он дернулся так, будто я ему пощечину вlepила. Глаза почернели, в них столько боли я гнева, что страх новой волной накрывает. В висках кровь стучит, голова кругом.

– Думала, мордашу новую себе слепила, и я не узнаю? – губы искажает болезненный оскал. – Тряпки эти драные напялила. В захолустье спряталась. Тори, я тебя с закрытыми глазами в аду по запаху найду!

А вот это уже меня задело. Сам того не ведая, на больную мозоль наступил. Денежная яма в нашей семье из-за меня.

Только моя вина, что мы остались без нормальной квартиры, и до сих пор расплачиваемся с долгами.

– То, что у вас горе, не дает вам права сыпать оскорблениями! Не у всех есть возможность сорить деньгами! – слезы выступили на глазах.

Этот псих каким-то непостижимым образом давит на болевые точки. Задевает личное, мои переживания. Словно его боль вокруг распространяется, как заразная болезнь.

– Тори, хирургам глаза не переделать, твой зеленый омут, навсегда отравой под кожу вьелся. Жива, – мотает головой, сжимает челюсти, так что желваки ходуном ходят, – Сколько лет... а я ведь поверил, оплакивал тебя лживую дрянь.

– Мне жаль, что у меня такие же глаза, как у вашей супруги. Но у меня дочь. Ей четыре года. Я не ваша жена, услышите вы меня, наконец! – всхлипнула, шмыгнула носом.

Незнакомец склонил голову набок. Задумался. Неужели доходит! А потом резко меня лапищами схватил, вторая сумка из рук выпала. Приблизил свое лицо к моему, так что губы практически соприкасаются. Его запах... что-то кольнуло в области груди, отдаленно знакомое. Дорогой парфюм и чисто мужской запах кожи с нотками мускуса и особым горьковатым ароматом.

– Андрюша сын твой, – говорит обманчиво тихо, мягко, – Не снится ночами? Не скучаешь? Не вспоминаешь?

На какую-то долю секунды мое сердце остановилось, словно сжалось от горя. Я представила, как маленький мальчик

ждет свою маму, а она все не приходит. На этот миг я полностью влезла в чужую шкуру. На глазах выступили слезы. Стало муторно, больно и страшно.

Хищник заполнил собой все пространство, отгородил от мира и заставит, пусть на краткий миг поверить в свои небывлицы. Мотнула головой. Прогнала наваждение.

– Мне искренне жаль, что малыш остался без матери, – вздохнула. – Только поймите, я посторонний человек. Я меня своя жизнь, семья.

Он нахмурился. Впервые в глазах проскользнула искра сомнения. Только я успела подумать, что он осознал свою ошибку, как псих сорвал мою сумку с плеча. И без зазрения совести начал копаться в ее содержимом. От такой наглости я опешила, несколько раз открыла и закрыла рот. Шок.

– Вы... как вы смеете трогать мои вещи! Отдайте, – пробую забрать у него сумку. Но где мне справиться с разъяренным зверем. – Это личное!

– Где паспорт? – деловито поинтересовался.

– Дома... – смотрю, как перекачиваются мышцы на руках, как вздулись вены, и меня окутывает страх смешанным с каким-то знакомым, но давно забытым чувством.

«А ведь эти руки умеют ласкать, так что искры из глаз летят».

Проносится в голове сумасшедшая мысль. Я с ним на себя непохожа, он одним своим присутствием выворачивает мой мир наизнанку.

– Фамилия? – смотрит на меня исподлобья, в глазах раз-
верзается бездна.

– А не обязана перед вами отчитываться! Что вы за допрос
тут устроили! – а у самой ноги ватные.

Он продолжает рыться у меня в сумке. Перебирает все,
как зверь вынюхивает, в кошелек залез. Посмотрел на сумму
там, скептически бровь вверх приподнял.

– Не заставляй меня повторять дважды, – рычит.

– Дементьева, – может, так он успокоится и даст мне прой-
ти. – Простите, но этот спектакль уже затянулся. Отдайте
мне сумку, я в сад к дочери опаздываю!

– Полное имя? – допрос продолжается.

– Елена.

– Отчество?

– Витальевна... и отстаньте вы от меня! – я уже сама на
границе истерики. Уже жалею, что сказала фамилию. Он же
псих. Но его аура, она подавляет, будто я уже сама себе не
принадлежу, оказалась в его власти.

Достает из кармана сотовый. Дорогуший, таких наверное,
еще и в свободной продаже нет. Невольно бросаю взгляд на
его запястье, там красуются часы, и стоят они... квартиру
можно купить.

Моего воображения не хватит представить о размерах его
состояния. Что этот мужик со своими миллионами забыл в
нашем захолустье? И совсем невероятный вопрос: чего он ко
мне прицепился? Мы из абсолютно разных миров. Он купа-

ется в роскоши, я едва свожу концы с концами. Мы никогда и нигде не могли пересечься. Но сейчас он поймал меня в капкан и не отпускает.

– Сизый, пробей мне Дементьева Елена Витальевна, – говорит приказным тоном. – Полностью всю подноготную, чем дышит, где училась, жила. Жизнь от и до, с пеленок, – и на меня неотрывно смотрит, реакцию считывает.

А какая у меня реакция может быть? Я снова не могу оправиться от очередного шока.

– Кто... кто дал вам право?! Это моя жизнь! Думаете, раз есть деньги, то нас вас управы не найдется! Всегда она есть и на каждого! – правда, я сомневаюсь, что в нашем городке, его хоть кто-то сможет остановить.

Он прячет телефон в карман. Возвращает мне сумку.

– А интонации не изменились, Тори, – хищная ухмылка играет на губах.

– Какие еще интонации?

– Голоса. Ты точно так же играла словами, перекатывая их во рту как конфету, – а вот эту фразу он сказал томно, приблизившись ко мне вплотную, обдавая горячим дыханием. Агрессивный магнетизм приобрел нотки сексуальности.

Отрицать глупо – он шикарный мужчина. Но и такой же ненормальный. Во рту мгновенно пересохло, мне надо взять себя в руки.

– То есть голос все же не вашей жены? Отличается? – хватаюсь за промелькнувшую здравую мысль.

– Голос, внешность... волосы, – наматывает на палец прядь моих волос. – Только, – резко берет меня за подбородок и заставляет посмотреть в глаза, – Только ты не учла, я узнаю тебя всегда, по запаху в кромешной тьме отыщу, в любом уголке земного шара, – говорит, словно урчит, опутывает бархатом. А пальцы обжигают, ощущение, что волдырь останется.

Отталкиваю его. Со всей силы.

– Если следовать вашей логике, то ваша жена, так хотела от вас удрать, что перекроила себя полностью, спряталась без денег в маленьком городке. Даже сына оставила, только бы вы никогда ее не нашли? – если ад существует, то сейчас его врата разверзлись у него в глазах.

– Моя жена заплатит за все, – чеканит каждое слово. И теперь меня в холод бросает. Он не ищет ее, чтобы в семью вернуть. Он возмездия хочет. И не завидую я той бедной женщине, если она жива и попадетя к нему в лапы.

– Удачи в поисках, – бросаю холодно.

– До встречи... Лена... – как самое грубое ругательство мое имя произнес.

Окидывает взглядом разбросанные по тротуару продукты. Достает из кармана деньги, и одним ловким движением засовывает мне их в вырез блузки.

– Это за причиненный ущерб, – запрыгивает в машину.

– Никаких новых встреч! – кричу. Хочу догнать ив рожу его наглую деньги кинуть. Но что-то останавливает.

Псих уезжает, а я продолжаю стоять и смотреть вслед удаляющемуся белоснежному автомобилю. А вдруг вовсе не бред? Мелькает в мыслях. Но я тут же безжалостно уничтожаю зарождающуюся бредовую фантазию.

Глава 2

Сжимаю в руках деньги. А не в том положении, чтобы с гордостью их швырять. Нашей семье они сейчас необходимы. Пересчитываю, да тут четыре моих зарплаты! И если подумать, за всю эту нервотрепку я заслужила компенсацию. А странного психа я больше не увижу.

Проверят меня. Вспомнились его указания по телефону. Мерзко-то как. Но зато успокоится, когда поймет, что никакого отношения я к нему не имею. Свалит из нашего города. Все. Надо забыть это как страшный сон. Собрала продукты. Много испорчено. Но не мусорить же на асфальте. Выкину по дороге. А сегодня можно побаловать семью. Сейчас за малышкой в сад. А потом зайдем в магазин и накупим вкусняшек. Анечка будет рада.

Этими мыслями пытаюсь отвлечься от произошедшего. А его лицо никак из головы не выходит. Эта история, она в чем-то созвучная с моей. Он затронул что-то в глубине души и это мне явно не нравится.

За десять минут добираюсь до садика. Из-за него опоздала. Уже всех деток забрали. Только моя кроха сидит и старательно расчесывает волосы у куклы. Воспитательница раздраженно на меня посмотрела, но ничего не сказала. И на том спасибо. Обычно я никогда не опаздываю.

Поднимаю свою девочку на руки. Целую в пухлые щечки.

– Я так соскучилась, красавица моя!

– А я тебя ждала, – смеется, задорно так. И начинает с восторгом рассказывать все, что произошло за день в садике.

Она очень ласковый и послушный ребенок. Мое сокровище.

На глаза невольно слезы наворачиваются. Я так перед ней виновата. Незнакомец меня из колеи сегодня выбил. Заставил вспомнить все те ужасы, которое пришлось пережить. Полтора года малышка была без матери. Пока я в больнице восстанавливалась. И квартиру мы потеряли тоже из-за меня. И неизвестно где бы жили, если бы свекровь нам через свои связи не выбила комнату в семейном общежитии. А долги все равно остались. Большая часть зарплаты банкам уходит. Но ничего, вот рассчитаемся, и жизнь непременно наладится.

По дороге зашли в торговый центр. Сегодня можно. Так хочется порадовать любимых. Купила Анютке куклу, которую она так давно хотела. Исполнила маленькую мечту своей принцессы. Ванечке новые брюки, свитер, носки. У него все так изнашивалось. Уже не помню, когда мы себе вещи в последний раз покупали. Только ребенку, и то самое необходимое. Каждая копейка на счету, не до лишних трат нам. Себе решила ничего не брать. Деньги пусть и получены таким странным способом, но их надо экономить. В банк отнесу большую часть. И станем мы на шаг ближе к освобождению из долговой ямы.

А вот для вкусного ужина купила все необходимое. Хочется им маленький праздник устроить. Сейчас быстро все приготовлю, и сядем пировать. С такими мыслями мы поднялись на пятый этаж. Лифт давно не работает. Стены ободранные и исписанные нецензурной бранью. Стоит затхлый запах. Но это наша реальность, привыкла, уже особо и внимания не обращаю.

– Мы дома! – крикнула с порога.

– Чего так долго! – из комнаты вылетает Ваня, с горящими глазами в помятой майке, шортах и взъерошенными волосами. – Я уже заждался!

– За покупками ходили, – отчего-то не хочется ему рассказывать про психа. Еще волноваться будет за меня. Да, и зачем. Все в прошлом. Я его больше никогда не увижу.

– Зарплату получила, – не спрашивает, утверждает.

– Да. Вот решила небольшой праздник нам устроить, – взглядом показываю на сумки в прихожей.

– И у меня для вас просто сногсшибательная новость! – глаза еще сильнее горят, на покупки даже не смотрит. А мне уже страшно стало. Увы... я знаю, чем эти разговоры заканчиваются.

– Какая? – спрашиваю осторожно, снимая с дочурки курточку.

– Есть тема одна! Друган подсказал. Короче, в инете новая контора открылась, тридцать девять процентов в месяц! Ты только представь, ничего не делаешь, а деньги кап-кап! –

лицо мужа воодушевленное, мечтательное.

– Вань... уже ведь не раз это было... – пробую осторожно его спустить с небес на землю. – И вспомни, чем всегда это заканчивалось.

– Сейчас все по-другому! Там верняковый вариант! Так, где там твоя зарплата! – берет мою сумочку, которую я только положила на тумбочку.

– Стой! Не надо! – пробую перехватить свою сумку.

– Ого! Ничего себе зарплата за неделю на рынке, – пристыживает, алчно пересчитывая деньги.

– Нет! Это чужие деньги! – пробую забрать свой кошелек.

– То есть как? – хмурится.

– Я взяла на работе, чтобы в банк отнести! – вру. Да, пусть так. Но главное – не допустить катастрофы. – Это долг, Вань. Их нельзя трогать!

Лицо мужа расплывается в довольной улыбке.

– Отлично! Какая же ты у меня сообразительная! Сейчас вложим, а потом в банк еще большую сумму внесем, – по-хозяйски опустошает мой кошелек. Потом поразмыслив, возвращает туда мелкую купюру. – А это тебе на неделю хватит, чтобы совсем без денег не сидела.

– Какую неделю! – голос срывается на крик. – Я же говорю, авансом взяла! Не будет зарплаты через неделю!

– Не дрейфь, Леноч, прорвемся! – он, будто и не замечает моего состояния. Направляется в комнату. Я иду следом. Муж натягивает штаны. – Сейчас быстро до банкомата про-

бегусь, на счет деньгу закину. Ты прям подгадала. А я уже голову сломал, где баблишка взять, чтобы вложиться.

Дергаю мужа за руку. Оглядываюсь, дочь стоит в проходе и наблюдает за нами. Не хочу при ней выяснять отношения. Ребенок ведь все понимает, чувствует. Но и отпустить его не могу.

– Вань! Послушай. Мы ведь это уже не раз проходили. Ты вкладываешь, потом все разваливается. И мы остаемся с носом. Прошу тебя, уймись. Лучше вот как я на работу, – говорю очень тихо, ласково.

Муж замер, смотрит на меня с нескрываемой злостью.

– Тут все просчитали. Умные люди до тебя все риски проверили. Не лезь, куда не следует. Если тебя устраивает на рынке пахать как проклятая, то я для нас другой жизни хочу. И не заставляй меня напоминать из-за кого мы в этом болоте оказались! Профессорская квартира! Трехкомнатная! – поднимет палец вверх и перед глазами у меня проводит. – С молотка ушла!

– Но ведь это невыход вкладывать в сомнительные проекты! – в горле ком стоит.

Глотаю слезы и обиды и понимаю, что он во многом прав. Я их подвела. А Ваня не раздумывая, квартиру продал. Только бы мне помочь. Он все для нас. Только способы, увы, выбирает не те.

– Выход! – натягивает спортивную куртку и идет к двери.

– Это же пирамиды, они разваливаются!

– Темнота беспроблесечная, – смотрит на меня как на дуру. – Нужно вовремя запрыгнуть, и также быстро спрыгнуть. Стратегия целая есть. О вас же забочусь! Люди миллионы поднимают на подобных проектах! А мы чем хуже!

– Поднимают те, кто эти проекты делает! – но он меня уже не услышал.

Хлопнул дверь. Настроение сразу упало в ноль. И винить я могу только себя. Знала ведь, что страсть у мужа к быстрому заработку. Он все ищет волшебную палочку, которая поможет по щелчку пальца из долговой ямы выбраться. А ведь он по профессии экономист. И где его знания? Почему не видит мошеннических схем? Свекровь в соседнем городе в институте преподает, и он там работал. Но давно уволился. Поссорился с деканом и сказал, что больше на «дядю» работать не будет. Хоть ему несколько работ свекровь по своим знакомым находила. Но где там.

И вот после последнего краха очередного «гениального» проекта. Ваня обещал мне, что завязал. Что пойдет работать. И я расслабилась. Не подумала, что деньги надо было спрятать. Так что сама виновата, что он снова сорвался.

Умыла доченьку. Поиграла с ней, включила мультики и поплелась на кухню. Ужин все же надо приготовить. Хоть настроение ниже плинтуса упало. С другой стороны, это деньги не заработанные, нехороший человек их дал, вот так в трубу и уплывут. Но там и моя зарплата за неделю была! Ничего. Еще заработаю. Нельзя сдаваться. Все наладится. Надо мыс-

лить позитивно.

Ваня вернулся быстро. Зашел на кухню. Забрал свою тарелку и пошел ужинать к компьютеру, на меня зверем смотрит. Я ведь не поддержала. А муж и жена всегда в одну сторону смотреть должны и понимать друг друга. Так он считает, так правильно.

Ночью так и не смогла заснуть. Деньги муж вложил, а значит можно с ними попрощаться. Но не это главное. На душе отчего-то так горько и больно стало. Вспомнился тот мужик. Вот у него деньги есть. И что? Все равно ведь жизнь не сложилась. Бегает по улицам и жену свою погибшую ищет. Так что счастье не в деньгах, однозначно. А у меня Ваня последнее ради меня отдал. Он любит нас! Пусть не все у него выходит, но старается, как может. Всю ночь пыталась себя в этом убедить. А слезы так и лились градом из глаз. Горькие. Болезненные.

Утром с трудом с постели поднялась. Ваня еще спит. Он поздно встает. Собрала малышку в садик. На улице прохладно. Ветер поднялся. До костей пробирает. А у меня легкая курточка. На зимнюю денег жалко. Анятке купили, а я обойдусь. Сейчас на рынке двигаться начну и согреюсь.

Я оказалась права. Нам новый товар завезли. Грузчиков у нас нет. Водитель выставил все у прилавка. А я раскладываю. Спина о себе знать дает. Но я себе говорю, что это та же зарядка в тренажерном зале. И форму поддерживаю и деньги зарабатываю. Надо плюсы во всем искать.

Ящик с яблоками оказался очень тяжелым. А его надо на самый верх поставить. Если все не разложу в срок, получу втык от хозяина. Он у меня строгий. Но и платит хорошо, нежадный. Иногда и добавит немного, если выручка хорошая.

Мои руки на ящике мужские накрывают. Вздрагиваю, как от удара током. И спиной чувствую прикосновение. Будто кто собой от всего мира закрыл. Обманчивое ощущение. А над ухом обжигающее дыхание.

– Хороший у тебя муж. Заботливый. Жена горбатится, а он дрыхнет дома без задних ног, – хриплый голос в душу пробирается, опутывает. И тут же запоздалое осознание – псих вернулся!

Мне бы что-то ответить. Вырваться из захвата. А я меня виски пульсируют, кадры прошлого проносятся перед глазами.

«– Тебе нельзя таскать тяжести, – мужские руки ласково накрывают мои, легонько поглаживают. Я держу на весу огромный горшок с цветком.

– Его надо переставить, – а сама улыбаюсь, крепче прижимаюсь спиной к мужской груди. Ощущение счастья накатывает теплой волной. Я окутана его заботой.

– Все что хочешь, только скажи, – шепот мне на ухо. И я знаю, чего хочу больше всего на свете... провести вечность в его объятиях».

Мотнула головой. Горький ком застрял в горле. Что за

нелепость? У мужчины из воспоминаний нет лица. Он размытый. Будто призрак. Хотя так ведь и бывает, воспоминания, словно покрыты туманом, у них нет четких очертаний. А в моем случае и подавно.

Это был Ванечка. Мы были еще в нашей трехкомнатной квартире. А этот мужчина просто напомнил мне кадры прошлого с мужем. Поза идентичная, вот и воспоминания нахлынули.

Ваня меня вчера расстроил, а так мой мозг пытается напомнить, что у нас замечательная семья. Нам всегда было очень хорошо вместе. А трудности они у всех случаются.

– Отпустите меня! – дернулась и еще сильнее оказалась в капкане его рук.

Он будто нарочно меня к себе прижал, а ящик спереди не дает пошевелиться. Руки разжать не могу, псих намертво их к ящику припечатал. Хватка у него железная. По телу дрожь странная пробегает. И от этих ощущений мне страшно. От смеси лживого спокойствия, будто он, как каменной стеной меня от всех бед оградил, и при этом всплеск бешеного адреналина в голову ударяет. Кровь все бег ускоряет, сердце барабанный ритм отбивает. Аж больно дышать стало. И не дышу я вовсе, а его запахом пропитываюсь. Muskusом зверь пахнет с горькой ноткой, которая на губах ощущается. И горечь эта приятна. Слишком. Не должно быть так.

Ухитрюсь его локтем в живот пнуть. Да где там, каменный пресс, не пробить. Он даже не дернулся. Ноль реакции.

Только дыхание продолжает ухо обжигать.

– Нельзя женщинам тяжести таскать, – дернулась. Фраза в мозгу вспышкой молнии сверкнула.

Нет, это ничего не значит. Ваничка мой тоже бы так сказал. Он и говорил в прошлом. А на висках голодный пот выступил. Страх подобно паутине по телу расплзается. Страх чего? Понять не могу. Просто его боюсь. Опасность от психа исходит. Он же зверь неадекватный, от такого чего угодно ожидать можно.

И стыдно мне. Я замужняя женщина, а тут посторонний мужик меня зажимает.

– А мне нравится! – фыркаю. – И вообще, не ваше дело, что я таскаю. Сказала же, отпустите!

Смеется хрипло, маняще, так что по коже мурашки табунами пробегают. Звук его голоса нервные окончания задевает, странные вибрации вызывает.

– Нравится на себе семью тащить?

– У меня прекрасная семья! Не вам судить! – снова делаю попытку вырваться. – Муж за меня и в огонь, и в воду. А вы сначала в своей семье разберитесь, прежде чем с советами лезть. Жену вон не удержали, – чувствую, как мышцы напряглись, как под кожей жидкий металл плавится. Его скрытая ярость в воздухе ощущается. По ранам хищника прошлась, на болезненные точки надавила.

Вот зачем я дразню зверя? Нет бы тихо-мирно разойтись. Так я нарываюсь. Все его близость, его бешенство и на меня

перекидывается.

– Так что же твой муж не пришел тебе помочь? Или он только способен деньги в интернете сливать?

Как пощечину словесную получила. И она гораздо больнее реального удара. Уколом в сердце. Он реально пробивал, чем наша семья живет. Копался в нашей жизни. Как же мерзко стало. Я хочу мужем гордиться. Своим мужчиной, защитником. А выходит, сейчас краснею от стыда.

– Лена, ты работать собираешься? Что вообще происходит? – позади нас слышу голос начальника. – Товар до сих пор не разобран. А тут не пойми чем занимаешься.

Стыдобища какая! Я только и делаю, что от стыда стораю. И все из-за него! Подумает еще шеф, что шашни на работе кручу. Таки опозорил меня псих.

– Андрей Валентинович, я это...

– Работает, ассортимент мне показывает, – перебивает меня зверюга. И наконец-то отпускает. Ящик из моих рук забирает и на прилавок ставит.

Я сразу как можно дальше отхожу. Дышу как после длительной пробежки. Во всем теле покалывание, до сих пор его жар на себе ощущаю.

– Видел я, – ухмыляется, глаза прищурил и на меня гаденько смотрит.

«Все вы бабы такие», читаю в его глазах. Вся кровь к лицу прилила. Растерялась. Будто действительно Ванечку предала. А по рынку слухи-то у нас расплзаются с космической

скоростью. Начальник хоть и мужик, а посплетничать любит.

Я всегда всем, кто ко мне клинья подбивал, отворот поворот давала. Сразу пресекала все на корню. И водителей, и грузчиков, и с администрации рынка один приходил. А тут в один миг зверюга мне всю репутацию угробил. Закипаю от злости, а ничего сделать не могу.

– Все что у вас есть, покупаю, – выдает псих.

– Чего? – Андрей Валентинович белесыми ресницами хлопает.

– Понравился товар ваш, – как ни в чем не бывало, заявляет безумец. – Мои парни скоро подъедут все погрузят, – в карман лезет, пачку денег достает и, не считая, шефу в руку кладет. – С собой больше нала нет. Счет свой скажите, остальное перекину.

– Перестаньте! Что вы творите! – хочу прекратить это безумие.

– Молчи, Лена, – шикает на меня начальник.

Еще бы такой куш сорвет сейчас. Если помешаю, потом... лучше не думать, что со мной сделает. И работу так точно потеряю.

А у меня от страха, шока, бессилия, ступор.

Пока они с оплатой разбирались, я так и стояла, открывая и закрывая рот. Зачем он это делает? В голове калейдоскоп безумных мыслей и ни одной разумной.

– А раз торговать Елене сегодня нечем. То я ее забираю, – он не спрашивает. Зверь ставит перед фактом.

– Не может быть! – шеф смотрит на мобильный. – Это вы? – переводит удивленный взгляд на психа. – Я смотрю... от кого перевод... не сразу понял... Не может быть?

– Может, – бросает ему, и на меня неотрывно смотрит. Как хищник притаился в ожидании момента, когда накинется на свою добычу.

– Серьезно вы? – не унимается Андрей Валентинович обходит зверя, в лицо ему заглядывает.

– Я, – равнодушный ответ.

– Какими судьбами в наших краях? – начальник явно хочет завести разговор. Подмазаться, никогда не видела его таким сияющим и при этом раболепным. У меня ощущение, что скажи псих ему на колени упасть и гавкать, шеф ни секунды не задумываясь, выполнит приказ.

– Дела, – делает шаг ко мне. Я делаю шаг назад. – Пошли, – протягивает руку.

– Раз на сегодня работы нет, я домой, – говорю, надевая куртку. – Благодарю за покупку, приятного аппетита, – бросаю холодно и, схватив сумочку, пытаюсь проскользнуть мимо него.

Ага, наивная размечталась. Псих меня проворно под локоть хватает.

– Со мной пойдешь, – он уверен, что так и будет. Даже иной мысли не допускает.

– Иди, Леночка. А я тут за всем прослежу, – на лице шефа милейшая, заискивающая улыбочка.

Да кто такой этот мужик, что Андрей Валентинович превратился в маленькую шавку, готовую своему хозяину тапочки в зубах нести. Мне какое дело? Пусть отвяжется от меня и все. Уже достаточно проблем создал. По рынку сейчас слух пойдет. А городок маленький. До Ванечки дойдет, и что я скажу? Зачем ему лишние нервы? И на меня все косо смотреть будут. Этот уедет, а нам тут жить. Такая ярость меня охватила.

– Отвали... те! – крикнула и дернулась. – Мне плевать кто вы там! Никуда с вами не пойду!

– Леночка, ты что! – восклицает шеф. Бледнеет весь. – Вы простите ее... она переутомилась, сложные дни выдались, очень много работы.

Отлично, теперь шеф еще мне оправдания ищет. Приплыли. Это сюр какой-то, ничего общего с реальностью не имеющий.

Псих больше ни слова не произнес. Просто за талию меня подхватил и понес. Я уже было рот открыла, хотела нецензурной бранью обложить, сказать все, что о нем думаю. Как заметила что мы под прицелом любопытных глаз. Все с кем работала бок о бок, созерцают представление. Все еще хуже, чем думала. Онемела, крик отчаяния в горле застрял. Позволила себя унести. Только бы скорее сбежать от любопытных глаз.

Усадил меня в свою белоснежную дорожную машину. Пристегнул ремнем. И за руль уселся. А я перевариваю со-

бытия и никак в себя не приду. Шоковое состояние. Вот так один дурацкий эпизод может лишить покоя, поломать спокойную размеренную жизнь.

– Вы... вы представляете, что натворили? – лихорадочно ищу в сумке салфетки, чтобы глаза протереть, из них предательски слезы льются. – Зачем вы на мою голову свалились?

– Оплачиваемый выходной тебе организовал, – он ведет машину и то и дело на меня косится. Взгляд чернеет, в глаза странный блеск появляется.

– А мне не надо! А нет одно все же надо, чтобы вы исчезли, и я забыла вас как страшный сон! Вы опозорили меня, теперь судачить люди будут!

– Тебя так волнует о чем бабы трепаться языком будут? – усмехается, хищно так.

– Вы уедете, а мне жить с этими людьми! – я все еще кричу. Не могу унять дрожь в теле, взрыв бешеного адреналина никак не отпускает.

– Это еще под вопросом, – сказал очень тихо. То ли себе, то ли все же мне.

– Лечиться не пробовали? Вам никто не говорил, что с головой того... проблемы?

– Пробовал, – серьезно так отвечает, и по коже неприятный холодок пробегает. Словно за этим коротким ответом адская боль спрятана.

– Остановите машину. Я выйду, – говорю чуть мягче, спокойней.

Мне страшно, что он в следующий момент выкинет. Мужик явно без тормозов.

– Нет.

– И все просто «нет»?! – снова закипаю. Ну как вот так можно, одним словом во мне все внутри перевернуть? С ним как на вулкане, никогда не знаешь, когда рванет.

– Да.

На дорогу уставился. На меня больше не смотрит.

– Куда вы меня везете? – а меня распирает, не могу молчать.

– Куртку тебе купить надо. Продрогла вся пока на работу дошла, – дергаюсь, как от удара. Следил за мной. Меценат недоделанный.

– Еще раз повторяю, не надо мне от вас ничего! И забота ваша гнилью пахнет, – хотя про куртку ошарашил, снова. Уже думаю, привыкла к его выходкам, он все по новой почву из-под ног выбивает.

– Раз твой муж спокойно смотрит, что жена второй год и зимой и осенью в тонкой куртке ходит, то ничего с тобой не случится, потерпишь мою гнилую заботу. Зато в тепле будешь, – ухмыляется. Сворачивает на центральную улицу.

Смотрю на его руки, большие, ногти аккуратные, ровные. Машину уверенно ведет, держит руль по особому, грубо и в то же время будто ласкает. Мотнула головой, прогнала наваяние. А рядом с ним уже сама сходить с ума начинаю.

Смысл его фраз доходит не сразу. Я до сих пор в шоковом

состоянии. Эмоции так быстро сменяют одна другую, что не успеваю разобраться. Он копался в моей жизни настолько, что знает, в чем я два года назад ходила. И это всего за ночь! Жутко становится. И в голове не одной здоровой мысли, как от него отделаться. Может, узнать чего прицепился? Ведь если пробил, то уже понял, что я не та.

– Не в вещах дело. А в отношениях. А я счастлива! – выпаливаю с запалом. – Да, у нас нет денег. Но это ни о чем не говорит.

Остановил машину. Посмотрел на меня долгим пронзительным взглядом, будто в душу пробрался и там без стеснения хозяйничает. Вышел из машины, дверь с моей стороны открыл. Помог мне выйти. Под локоть взял и к нашему торговому центру ведет. Дорогушему. Я туда и не захожу никогда, чтобы себе душу не травить красотой.

– Будешь убегать, делать глупости, найду и тогда разговаривать иначе будем, – сказал будничным голосом. Но я угрозу на физическом уровне ощущаю.

– А сейчас типа вы сама любезность? – фыркнула

– Именно так, Лена, – и снова мое имя как ругательство звучит.

Глава 3

Ведет меня по торговому центру. Я по сторонам головой верчу, слепит от роскоши.

– Отвратительное место, – изрекает псих.

– По-моему, отвратительное тут не место, а кто-то другой, – фраза сама вырвалась. Слишком я взвинчена, слишком его много за последние сутки в моей жизни.

А он вдруг рассмеялся, так заливисто и звонко, что смех его мне под кожу иголками впивается. Резко останавливается, ловит в капкан своего бесовского взгляда. Смех замолкает, словно кто-то нажал на кнопку, стер улыбку с его губ.

– Когда всеми силами пытаешься склеить разбитую чашу семейной жизни, день изо дня острые края ранят тебя, и чтобы не выть от боли, ты врешь себе, так ведь меньше болит. Верно? – он словно залез мне в душу, бессовестно вывернул все наизнанку, потоптался грязными ботинками и ушел.

Рука сама поднялась, пальцы горят, так хочется ему врезать. Но он перехватил мою руку. Поцеловал ладонь. Прикосновение его губ, мягкое и одновременно жесткое, оно опалает, зажигает непонятный огонь внутри.

– Вы ничего не знаете о моей семье. Кроме горстки сухих фактов, нарытых крысиным способом. Так что... – договорить не могу, он потерся носом о мою ладонь. Легкое, практически невесомое касание, а у меня ноги ватные и дыхание

участилось.

– Ваниль... – и в глаза мне смотрит, а я пошевелиться не могу. – Любимый запах, да, Ласточка, – отпустил мою ладонь, и как ни в чем небывало завел меня в магазин.

А я уже ничего не вижу. Перед глазами расплываются круги. Ласточка... так Ваничка называл меня раньше... В самые наши романтические моменты шептал с нежностью. Откуда зверюга узнал? Будто специально на самые болезненные точки давит. Да, сейчас у нас не все гладко и «Ласточка» я уже и не помню, когда слышала. Но уверена, все наладится!

В реальность меня возвращает женский голос.

– Добрый день! Какие у вас будут предпочтения?

Мотнула головой, прищурилась, фокусируя взгляд. Передо мной стоит милостивая девушка, улыбается дежурной улыбкой. Обращается ко мне, а сама не сводит восторженно-го взгляда с психа.

– Никаких.

Хочу развернуться и уйти, но звериная хватка на моей руке чуть выше локтя не дает.

– Она у меня скромница, – и одаривает продавца-консультанта ослепительной улыбкой.

Пиная его локтем в бок. Что еще за «у меня»? И ведь скандал не могу устроить. Городок маленький. Уже страшно, если Ванечке расскажут, что я с незнакомым мужиком по торговому центру шатаюсь? Надо поскорее отсюда уходить. И мои пререкания только привлекают внимание.

А если расскажу. Как это все объяснить? Или все же попытаться? Муж меня должен понять, помочь советом, мы же родные люди.

– Так какая модель вам понравилась? – уточняет девушка.

Лениво скольжу взглядом по ассортименту магазина. В глаза бросается ценник. Шок. Ступор. Это же сколько всего можно купить за эти деньжищи. А тут за какую-то тряпку отдать.

– Спасибо. Нам пора, – в очередной раз пытаюсь улизнуть.

– Вот эту модель, и эту, вон ту, – невозмутимо указывает пальцем и девушка суетится, приносит все, что он показал. – Вот эта самая теплая примерь, – одним ловким движением снимает с меня мою старую курточку. Как это у него получилось?

– Нет.

Обнимает меня за талию. Наклоняется и на ухо шепчет:

– Я ведь сам буду одевать тебя и сделаю это не в примерочной, а прямо у витрин магазина. Буду очень стараться, чтобы произвести впечатление. Как думаешь, быстро кумушки донесут твоему мужу? – горький ком застрял в горле.

– Мои знакомые не ходят по таким местам. Чего вы добиаетесь? – а у самой какое-то странное желание, чтобы продолжал шептать этим томным голосом, чтобы губы его к уху прикоснулись. Я точно теряю рассудок. Теперь уже окончательно.

Смутилась. Вырвалась из его рук.

– Давайте эту куртку.

Быстро пошла вглубь магазина. Дышать трудно. На ходу надела и застыла около зеркала. Длинная до колен, темно-зеленая, материал мягкий, а как тепло. Глаза мои загораются. Глубина в них появляется. Вещь мне явно к лицу. Но не за такую же цену! И не от него!

Псих сзади подходит, голову на бок склоняет.

– Берем.

Дальше еще три модели заставляет примерить. А девушка перед ним так и прыгает и в глаза заглядывает. Улучив момент, подходит к зверюге.

– Я слышала, что вы в нашем городке. Но вот чтобы так лично увидеть. Я Катерина.

– Угу, – и дальше меня глазами пожирает.

Он купил все, что я примерила. Но на этом мои мучения не закончились. Он вел меня из магазина в магазин. Я отказывалась примерять. Стояла на своем. А псих просто тыкал пальцем и скупал все, на что его глаз упал. И как мне расценивать его действия?

В каждом магазине на него смотрели, словно на божество какое-то. Даже сложно представить, какую кучу денег он заплатил за эти покупки.

– Зря стараетесь. Я все равно ничего не возьму, – прошипела.

– Их доставят тебе домой.

– Мужу скажешь... какая разница, что-то сообразишь.

И тут нам навстречу Ольга с дочкой из соседнего дома идут. Мать все пытается для своей кровинушки выгодную партию найти, а сама сплетница и завистница высшего уровня. Узнали. Остановились как вкопанные, глаза округлили. А я меня вся кровь к лицу прилила.

Зверюга их тоже увидел. Сразу сообразил, что и к чему. Я наивно полагала, что арсенал его мерзких штучек исчерпан. Ошиблась. С невозмутимым видом выдает.

– Ласточка, ты чего остановилась? – глаза хищно блестят. На губах лукавый оскал, – Устала, моя девочка? – громко говорит, специально, чтобы сплетницы услышали.

Подхватывает, меня на руки и несет по лестнице вниз. Чувствую спиной их взгляды, они прожигают во мне дыру.

– Как же я вас ненавижу, – цежу сквозь зубы. – Ненавижу!
– Ненависть, одна из самых сильных эмоций, – еще крепче прижимает меня к себе, – А у тебя она особенно сочная и сладкая.

– Пошли бы вы! – кулаком ему в грудь ударяю. – Отпусти-те немедленно!

Мне хочется расцарапать его лицо. Стереть эту самодовольную ухмылку. Только мы итак привлекли внимание. Я не представляю, как буду объяснять мужу, что какой-то посторонний мужик, таскает меня на руках и накопил кучу дорогущих вещей. А уж как приукрасит все Ольга! Как на меня теперь будут смотреть?! Об этом лучше не думать. Явно примут за гулящую. А Ванечке рога припишут. От этих мыс-

лей на глаза слезы наворачиваются. Мой всплеск агрессии сменяется отчаянием.

– Откуда вы свалились на мою голову?! Зачем вы рушите мою жизнь?

– А там есть что рушить? – выходит из торгового центра и несет меня по улице.

– Не оскверняйте того, о чем понятия не имеете! Отпустите меня! А не то я буду кричать. Обращусь в полицию! Вы же неуравновешенный, больной на голову!

– Кричи, – пожимает плечами и продолжает свой путь.

А у меня духу не хватает угрозу осуществить. Он несет меня, плотно прижав к себе, и отчего-то жжет в груди. Его прикосновения не вызывают отторжения. А ведь должны!

– Куда вы меня несете?

– Мы уже на месте.

Я была так поглощена своими эмоциями, что даже не обратила внимания, куда он меня тащил. Мы оказались в самом дорогом ресторане города. Даже мой начальник себе не позволяет сюда заходить. Тут нереальные цены.

Зверюга ставит меня на ноги. Помогает снять куртку. Нас окружают таким вниманием, будто какая-то высокопоставленная шишка пожаловала. Официантки сияют, ослепительно улыбаются и провожают его томными взглядами. На меня смотрят с ненавистью. Эх, знали бы они, что это за псих, выдохнули бы с облегчением, что его хищный глаз на них не упал.

Обстановка и правда шикарная. Нас проводят за дальний столик. Кладут меню. Машинально его раскрываю. И тут же закрываю. Это не цены. Это обдираловка.

– Выбери, – кивает на меню.

– Воды.

– Ясно, – кивает с ухмылкой. Щелчком пальцев подзывает официанта.

И у меня в голове щелчок. Другой ресторан. В восточном стиле. Я с бокалом в руке, мне так весело, так хорошо. Что за нелепость? Прогоняю наваждение.

Надо поговорить с ним. Без эмоций. Скандалов. Расставить все точки и разойтись. Иначе такими темпами он мне всю жизнь переломает.

Псих озвучивает заказ, перечисляет незнакомые блюда. Несложно догадаться, что это все обойдется в баснословную сумму. Хотел меня впечатлить? Чтобы я рот от восхищения раскрыла? У меня, наоборот, злость просыпается. Люди на эти деньги могут месяцами жить, кредиты закрыть, а он просто вот так за обед спускает.

– И воды, – добавляет в конце, глядя на меня приподняв бровь.

– Давайте сразу к делу, – откладываю в сторону меню. Сцепляю пальцы в замок, смотрю на него.

– Поешь для начала. Ты ведь голодна, – а сам рассматривает меня, внимательно, пристально. Будто до этого не насмотрелся.

– Я не голодна.

– Урчание в твоём животе говорит об обратном, – берет чашку кофе, принесенную официантом, делает маленький глоток.

А мне хочется схватить эту чашку и ему в рожу содержимое плеснуть. Сдерживаюсь. Ох, как сдерживаюсь.

– Не ваше дело. Вас ничего не касается. Насколько я поняла, вы собрали обо мне информацию, – сжала челюсти до скрежета зубов. Я смогу, справлюсь. – Значит, убедились, что я не ваша супруга?

Подходит официант, расставляет какие-то блюда. Даже не смотрю. Но запахи. Мой живот издает предательское урчание, громкое такое.

Псих выжидает, пока нас оставят наедине. Барабанит пальцами по столу, словно какую-то мелодию отыгрывает. Только у меня на нервах.

– Собрал, – и молчит. Держит паузу, словно испытывает.

– Ну, и? – я все же не выдержала, взгляд у него дикий, проникновенный. Мне постоянно кажется, что он в голову мою заглядывает и мысли читает. Бред, конечно, но в душе беспокойство.

У него в кармане завибрировал телефон. Зверь медленно достал навороченный смартфон. Принял вызов.

– Что там у вас? – сразу с вопроса начал.

Мне неслышно, что ему отвечают.

– Ясно. Дай трубочку проказнику.

Его губы дрогнули.

– Здоров, разбойник! Ты что там устроил?

Голос изменился, веселый, задорный.

– Это не повод Зою доводить. Давай договоримся, ты будешь вести себя хорошо, а я приеду, на лошадях погоняем. В парк на аттракционы сходим, только ты и я. И купим тебе, что ты там больше всего хотел?

Смотрю на его лицо и не узнаю. Другой человек передо мной. Он будто светится весь. Глаза блестят. Странно так блестят, ярко, красочно, посветлели. А голос, в нем столько нежности.

– Вот и договорились. А я вечером тебя обязательно наберу, посидим, поболтаем, расскажешь мне новости за день.

Пусть он псих, но одно ясно точно, сына он любит. Эта любовь в каждом слове ощущается.

– Я тоже дико соскучился, Дюшка.

Вздрогнула, будто ножом по сердцу это «Дюшка» резануло. Делаю несколько судорожных глотков воздуха, а кислород в легкие не попадает. Перед глазами черные круги. К стакану с водой тянусь, до дна выпиваю. Постепенно в себя прихожу.

Он уже закончил разговор. Зверь вернулся, и теперь его глаза смотрят острее, хищно с прищуром.

– Сколько сыну лет? – не знаю, почему спросила. Какое мне дело?

– Четыре.

–И моей Анютке недавно четыре исполнилось.

Странный момент, на эти несколько минут ушли распри, мое негодование. Накал в воздухе сменился некой расслабленностью. Посмотрела на него немного другими глазами. Конечно, все из-за разговора с его сыном. Я как мать не могу остаться равнодушной.

Хотя понимаю, что в ситуации со мной это не значит ровным счетом ничего. Он может быть лучшим отцом в мире, и зверюгой по отношению к другим. Он уже сутки без зазрений совести портит мою жизнь.

– А я ведь не ошибся в первую нашу встречу, пластика у тебя была, – резко сменил тему. Безжалостно стер теплые мгновения. Опустил с небес на землю. Напомнил про свою звериную натуру.

– С чего мне о своих проблемах докладывать первому встречному? – выдержала его взгляд. – Да, была. Я не делаю из этого тайны. Это не была блажь, вы осведомлены, почему были сделаны операции.

– Авария на трассе, – склонил голову набок. Он от меня что-то добивается, только не пойму чего.

– Видите. Вы со всем и без меня справились. Так к чему этот разговор?

– Как ты там оказалась? Зачем ехала в соседний город? – он как следователь на допросе. Лицо будто высечено из гранита ни одной эмоции.

– Я не помню, ни самой аварии, ни того, что ей предше-

ствовало. И честно говоря, тот ад у меня нет желания вспоминать, – даже сейчас говорю, и руки ходуном ходят. Все из-за психа, это он заставляет меня окунаться в прошлое. – Муж говорит, что мне предложили очень выгодную работу.

– Ах да, твой муж, святой человек, как же ему можно не верить, – даже не скрывает ядовитого сарказма.

Ударяю кулаком по столу. Так что посуда зазвенела.

– А вот сейчас заткнитесь, – говорю тихо, но резко, вкладывая в каждое слово всю свою ярость. – Скажу раз, и мы закроем эту тему навсегда. Даже врачи не верили, что я выкарабкаюсь. Меня собирали по кусочкам. И все это время мой муж был рядом. Я засыпала и видела его, просыпалась, он держит меня за руку. Когда мне больно – Ванечка вытирал мне пот, бежал за врачами. А при этом у него еще была на руках наша дочь, которой и года не исполнилось. Муж продал квартиру, наши вещи, все, что имело хоть какую-то ценность, только чтобы меня вытащить. И непросто вылечить, но даже пластику сделать и забрать шрамы. Больше года он практически жил в больнице. Утешал меня, поднимал настроение, не позволял угаснуть надежде. Он отдал всего себя. Не сбежал, как сделало бы большинство мужиков. Ванечка остался. И если бы не он, то я бы сейчас не сидела перед вами.

Только когда выпалила, выдохнула. Словно душу перед ним вывернула. Но это не стыдно. Пусть знает правду, и больше не заикается про моего мужа.

Псих остался сидеть с каменным выражением на лице. Мои откровения никак его не задели.

– Поистине герой-Иван, – кривая усмешка скользнула по губам.

– Для меня, да. А ваше мнение... мне чхать на него.

– А с памятью у тебя как? Все хорошо помнишь? – поддвигается чуть ближе, словно хищник, который следит за малейшим движением добычи. И в любой момент готов растерзать жертву.

– Если намекаете на амнезию, то должна вас разочаровать. Я помню многое. После аварии было одна чернота. А позже воспоминания стали возвращаться. Фрагментами, обрывками, многое как в тумане. Но я отлично помню детство, школу, учебу. Ивана, который жил в соседнем подъезде. Свои роды, – и многозначительно так на него посмотрела. – Так что выкиньте ваши бредовые мысли из головы.

– И все же есть пробелы, – выгибает дугой бровь, делает глоток остывшего кофе.

– Есть. Но в целом они ни на что не влияют. Ту же аварию я рада забыть и не вспоминать. А внешность... Вы ведь видели мои фото до? – я чувствую триумф. Безжалостно избиваю его аргументами. Скоро все закончится и он от меня отстанет.

– Видел.

– И подозреваю даже в моей старой внешности, вы не узнали свою супругу.

– Я бы не был так категоричен с выводами, – усмехается холодно, зло. Внешне спокоен, но внутри чувствую, бушует ураган. И мне не хочется попадать в его эпицентр.

– Только факты. Вы сами все увидели. Я ответила на все вопросы. Так что считаю, тема закрыта, – у него просто нет аргументов. Он не может мне возразить.

Псих поднимается со своего места. Очень плавно, грациозно, вижу, как перекачиваются мышцы под рубашкой, становится сзади, от его горячего дыхания волосы дыбом встают на затылке.

– Нужен твой биологический материал, – проводит пальцем по моей щеке.

– Зачем? Это же бред? – он как паук оплетает меня паутиной. На мгновение от его близости теряю связь с реальностью.

– Открой рот, – у него как у фокусника в руках появляется ватная палочка. Подчиняюсь прежде, чем успеваю что-то сообразить.

И только когда он отходит на меня с опозданием накатывает ярость.

– Вы что позволяете себе! Совсем обезумели от вседозволенности! – в этот момент я злюсь больше на себя, на свою странную реакцию.

Хищник же спокойно кладет ватную палочку в пакетик и отправляет его в карман.

– Ты ведь сама выразила готовность ответить на мои во-

просы. А мне необходим анализ ДНК.

– Вы себе этим хуже делаете, не мне.

Глубокий вдох. Выдох. Если ему так нейдет, пускай. Я ведь знаю правду. Пусть сделает анализ. И забудет обо мне навсегда. И все равно злость на него переполняет меня до краев. Угрозило же этому психу свалиться на мою голову!

– У меня тоже в прошлом много черноты было. Но его надо отпустить и идти дальше. Что я и пытаюсь делать. А вы и сами погрязли в воспоминаниях, и еще меня в это окунаете. Зачем? – свел брови на переносице, стоит рядом, смотрит так, будто под одежду проникает. Ощущаю его физически. Во рту пересохло. Стало не по себе. Мысли из головы выветрились, есть только взгляд его темных, бездонных глаз.

Один резкий рывок и я оказалась в его объятиях. Рука хищника лежит на моей талии. Растерялась. Не успела возразить. Упустила момент. А псих впился мне в губы поцелуем. Одно касание, у меня ушла из-под ног земля. Голова закружилась, и я отдалась ощущениям. Острым. Запредельным. Будто тону в стальном бархате его губ, и не желаю оказаться на воле. Мне сладок этот плен. Он целует как завоеватель, жестко, напористо, и при этом скользит едва уловимая нежность. Он будто в точности знает, как и что мне понравится.

Гладит меня по спине. Вторая рука в волосы зарывается. Его звериная аура мне передается. Несвойственные мне первобытные инстинкты пробуждаются. На эти мгновения те-

рю контроль, волю, есть только его безжалостные губы. Никогда еще не чувствовала себя настолько живой.

Меня не волнует, что мы целуемся в ресторане. Чужие взгляды нисколько не заботят. Он заслонил собой весь мир.

Стоп! Что я делаю! Таю в объятиях незнакомого мужика! Я даже имени его не знаю. Хочу отстраниться, прервать это безумие. А сил не хватает. Он будто источник кислорода, силы, энергии, ощущаю дикую потребность в нем.

Именно эти мысли испугали сильнее. Кусаю его за губу. Отталкиваю. Щеки пылают. В теле странная вибрация. Во рту его вкус. Я вся пропиталась запахом зверя.

Мы смотрим друг на друга, тяжело дыша. В его темно-карих глазах шальной блеск. До меня начинает постепенно доходить весь ужас произошедшего.

У него на губе блестит капля крови. Зверь улыбается хищно, соблазнительно.

Отшатываюсь. Не верю, что это только что я вытворяла.

– Вы в своем уме? Хотя о чем я, конечно, нет! – надо что-то говорить, чтобы уничтожить эту неловкость. – Кто дал вам право?

– Хотел проверить какие они на вкус, – медленно вытирает кровь с нижней губы. Смотрит на меня так, что в жар бросает. Тело будто проснулось после долгой спячки.

– Кто? – я все еще как под гипнозом. Плохо соображаю. В голове сладкая патока, вместо здоровых мыслей.

– Твои губы.

– И какие они? – зачем я это ляпнула?

Подходит ко мне вплотную. Делаю шаг назад. В стену упираюсь. Наклоняет голову.

– Такие же, – едва касаясь моих губ.

Вбираю его дыхание. Это какое-то наваждение. Безумие. Он порабощает.

У меня есть муж. Ванечка не заслуживает подобного! Я предательница! Это немного отрезвляет.

Отталкиваю зверюгу. Подхожу к нашему столику. Залпом выпиваю чай. Мне надо любым способом перебить его вкус.

– Вы сами себя обманываете. Скучаете... за ней... Придумываете небылицы. Только это не дает вам право... – он оказывается сзади. Хищник продолжает свою игру.

– Неужели? А мне кажется, тебе понравилось, – хриплый голос обвивает тело, пробирается в потаенные уголки души, и вытаскивает на поверхность нечто страшное, неведомое мне. Пугающее до дрожи. Мне подобное не свойственно.

– Вот именно «кажется»! Я растерялась. Все! – отвечаю резко.

Лихорадочно одеваюсь, беру сумочку и выбегаю из ресторана. Свежий воздух. Вот что мне сейчас надо.

– Я подвезу, – зверь вновь оказывается рядом.

Да, что это такое! Как мне от него отделаться!

– Нет! – жалобно и с надрывом.

– Да! – берет меня под руку и ведет к машине.

Я слабачка! Мне бы завопить! Попытаться вырваться. По-

звать на помощь. Но у меня нет сил. Поцелуй перевернул мой мир, и мне надо время, чтобы привести себя в норму.

Усаживает меня в машину. Пристегивает ремень. Смотрю перед собой. Сжала руками сумочку. Щеки не перестали гореть. Мне стыдно... к этому чувству рядом с ним я привыкла. А теперь во мне проснулось нечто другое, что мне совсем не нравится.

Зверь усаживается на место водителя. Мы молчим. И эта тишина давит на виски. Воздух наэлектризован. Будто есть только запах психа, и ни капли воздуха.

– Как вас зовут? – спрашиваю, чтобы разрушить тишину.

Хочу знать его имя по двум причинам. Одна постыдная. Надо знать, как зовут того с кем я... до сих пор не верю, что это произошло. А вторая – практичная.

– Стас, – бросает коротко. Смотрит только на дорогу. Пальцы обхватили руль, слегка его поглаживают. Вот также несколько минут назад он гладил мою спину... Стоп! О чем это я?! Хочется надавать себе по щекам вот за эти мысли.

– А фамилия?

– Хочешь пробить в инете? – мимолетный взгляд на меня.

И как он меня так быстро раскусил? Ведь реально об этом подумала минуту назад.

– По-моему, справедливо. Вы копались в моей жизни, а я узнаю хоть что-то о том, кто меньше чем за сутки превратил мою жизнь в вереницу проблем! Но это неосновная причина! Если и дальше будете меня преследовать, то мне нужна

фамилия, чтобы подать на вас заявление в полицию! – во мне закипает злость. Уже лучше.

– Андриевский, – пожимает плечами. – Может, тебя не домой, а в участок подкинуть? – идеально очерченная черная бровь, выгибается дугой. Он забавляется. Ему весело!

Сжимаю руки в кулаки. Нет. Это последний раз, когда мы видимся. Все довольно!

– Остановите тут. Не надо к дому. Мне итак хватит головной боли из-за вас... Стас, – произношу его имя как ругательство. На его манер.

На удивление выполнил мою просьбу.

– А ты ведь так и не поела, – сказал неожиданно, с каким-то сожалением.

При чем тут поела? Когда у меня внутри все бурлит? Как его понять. Нет! Мне не надо его понимать!

– Исчезните из моей жизни, – со всей силы хлопаю дверью.

Глава 4

Я бегу к дому. Кажется, что в родных стенах смогу отгородиться от психа. Забыть все, как страшный сон. Вернуться к размеренной жизни.

Андриевский... всплывает в голове. Знакомо? Не уверена. Ассоциаций нет. Точно не знаю никаких влиятельных персон с такой фамилией. Хватит о нем! Он уже уехал, а я до сих пор его присутствие ощущаю.

Еще и чувство вины разъедает изнутри. Предала мужа, зажималась с чужим мужиком! Как себя простить? После всего, что он для меня сделал, я отплатила черной неблагодарностью. Ведь даже поцелуй – это измена. А еще учитывая, что я отвечала. Мне нравилось... Неужели это была я?

Вбегаю в квартиру. Прислонилась спиной к двери. Я дома. Все позади.

– Лена? Ты? Так рано? – муж выходит ко мне в своих неизменных домашних шортах, на майке красное пятно, скорее всего, от кетчупа. Снова ел за компьютером и запачкался.

– Да... сокращенный день был... – вру. Ненавижу себя за это. А правду сказать язык не поворачивается.

– Тю... – присвистнул, – Так значит, зарплаты за день нам не видать. Ты же на проценте, – нахмурил брови. – Леноч, вот какого соглашалась на сокращенный день? Ты ведь знаешь, нам деньги позарез нужны!

Больно кольнуло в груди. Как иголки с ядом обиды под кожу пробираются.

– У нас были вчера деньги. А ты их...

– В дело пустил! – перебивает меня. – Но пока они крутятся, нам еще надо. Ты же понимаешь, что серьезные дела за один день не делаются, – подошел ко мне обнял. Голос мягче стал. – Я знаю, моя хорошая, оно сейчас сложно. Но мы ведь команда. Ты зарплату мне принесешь, а моя работа ее приумножить.

– Как и прошлые разы? – всхлипываю.

– В любом деле бывают неудачи. Ладно, день зря потратила, ничего. Понимаю. Передохни немного и за дочерью в сад сходишь. – А завтра с новыми силами на работу.

Целует меня в губы. А я ничего не чувствую. Как деревянная стала. От этого на глазах слезы. Неправильно это! Меньше часа назад таяла в руках незнакомца, а Ванечка... даже толком ответить на поцелуй не могу.

Просто тогда я злая была. Мои эмоции сыграли поганую роль. А у нас с мужем все спокойно. Наша любовь она временем выдержана. Страсти в прошлом. Зато есть доверие, которое я предала. Вот чувство вины и не дает мне принять его ласку.

Муж ведь старается для нас. Пусть не все у него выходит. Но он заботливый и любящий. Проговариваю это мысленно, только чтобы ненавистный образ психа растоптать. Слишком сильно он пошатнул мой мир, и теперь надо время, что-

бы баланс восстановился.

Он помогает мне снять куртку. Я разуваюсь. Проходим в комнату. Муж тут же за компьютер садится.

– Там твоя мать звонила, – бросает, уже глядя в монитор.

– Тебе? Почему меня не набрала?

– Говорит, правду не скажешь, как у нас. Плюс ты на работе, не хотела отвлекать. Обещала деньжат подкинуть внучке. Я сказал, ты придешь, звякнешь ей, – что-то быстро на клавиатуре набирает.

– Ей самой нелегко. Сколько там она за свое молоко денег выручает. Стыдно, Вань, последние копейки ее брать.

– Она же от души внучке! Для кого ей еще жить, Лен. В ее-то возрасте! – хмыкнул, и дальше по клавиатуре пальцами барабанит.

– Не говори так! Как раз для себя ей жить пора. А мы уже в том возрасте, когда стыдно деньги брать у родителей.

Моя мама живет в деревне. Довольно далеко от нас. Видимся мы не так часто, но созваниваемся регулярно. Когда я в аварию попала, мама квартиру нашу продала. Себе домик в глухой деревне купила, а все деньги на меня потратила. За это я тоже перед ней в вечном, неоплатном долгу.

Пенсия маленькая. Мама коров завела, огородик маленький есть, так копеечку и зарабатывает, еще и нам умудряется что-то передать. Папы не стало, когда мне пять лет исполнилось. С тех пор моя мама мне жизнь посвятила. А ведь такая красивая женщина была, столько ухажеров вокруг нее

крутилось. Никому шанса не дала, верность отцу до сих пор хранит.

Ваню она очень любит, часто вначале ему звонит, а мне уже потом. Она мужа с пеленок знает, всегда говорит, что он как сын для нее.

– Для своих родителей мы всегда дети, – отрывается от монитора, смотрит на меня задорно так, как мальчишка улыбается.

Мы ведь любим человека не за его заслуги, не за тугой кошелек, а принимаем со всеми недостатками. А уж сколько мы вместе прошли, что пережили, не имею я права сетовать. Замечательный у меня муж.

– Слушай, Лен! Я тут с тобой переговорить хотел. Предложение есть дельное! – воодушевленно выкрикивает.

– Какое?

– Тут через квартал в подъезд уборщица нужна. Время сама выбираешь. Можно ночью или рано утром. И только три раза в неделю. Деньги хоть и небольшие, но и работка правая, – на лице столько радости, словно он миллион выиграл.

А у меня нет слов. Вот совсем.

Звонок в дверь раздается. У меня сердце подпрыгнуло в груди.

– Я открою, – муж вскочил с кресла.

На ватных ногах плетусь следом.

– Ничего себе! – присвистнул. – Вы... это... адресом походу ошиблись...

А я уже знаю, нет, к сожалению, не ошиблись. Напрасно я думала, что родные стены защищают. Псих везде пролезет, а если не пускают, нагло выломает дверь.

Лично он не явился. Уже спасибо. Но ни на секунду не дает о себе забыть. Два мужчины в строгих костюмах с вежливыми улыбочками заносят бесчисленные пакеты к нам в прихожую. А когда там место заканчивается, принимаются заставлять комнату.

Они действуют так быстро и слаженно, что пока я отошла от шока. Уже вся квартира утопает в подачках зверюги.

– Прекратите это немедленно! Унесите! Заберите! – кричу, беру один из пакетов и хочу отдать назад им в руки.

– Подожди, Лена! – останавливает меня муж. – Надо разобраться во всем.

Ох, Ванечка, тебе как раз лучше в этом никогда не разбираться.

– Станислав Юрьевич, приносит свои глубочайшие извинения, – выдает один из мужиков.

– Кто? – муж переводит взгляд то на меня, то на него. – Ты знаешь о ком он?

– Знаю, – опускаю голову.

– И? – Ваня ходит между пакетами, раскрывает их. – Это ж все фирма! Натура! Не паленка! – вертит в руках женскую кофточку. – За что такая щедрость?

– Станислав Юрьевич договаривался об оптовой партии фруктов с Еленой. Но переговоры пошли не в то русло. Та-

ким образом, шеф приносит извинения, – выпалил заученную фразу мужчина.

Кто поверит в подобный бред?! Ничего умнее псих не придумал?

– Ого, Леноч, какие важные шишки у тебя на рынке затариваются! А ты молчала! – муж обнимает меня и целует щеку.

Пока я в замешательстве соображаю, что с этим всем делать. Мужчины уходят. Застал меня зверюга врасплох. И что теперь с этим всем делать?

Смотрю на покупки, и тут далеко не только те вещи, которые он мне выбрал. Тут много игрушек, кукол, есть большой плюшевый мишка с красным бантом на шее. Анютке целый день придется все распаковывать, настоящий девчачий рай.

Стоп! А мы что это оставляем? Мои вещи... дело десятое. А вот представлю лицо доченьки, когда она начнет открывать подарки. Она ведь об этих куклах давно мечтала. А каково понимать, что не можешь выполнить мечту любимого ребенка? На одну куклу мы могли насобирать. Но тут вся коллекция и именно тех, о которых она грезила днями напролет.

– Чтот мужского я тут ничего не вижу, – Ваня усердно перебирает пакеты, разбрасывает вещи по полу. – Детское барахло, зачем так много... О... а вот это уже интересней!

Берет в руки синий пакет с буквой «И». Извлекает оттуда клоунский нос и оленьи рога.

– А это... че такое? Тьфу, мусор... Аньке не понравится.

Ну, Зверюга! Я прекрасно поняла к чему этот «подарок».

Стас и тут решил унизить моего мужа. Хорошо хоть Ванечка ни о чем не догадался.

– Нам наверно надо вернуть это...

– Ленок, дают бери! Ты чего! Такой толстосум извиняется! Ты посмотри, какие дорогие тряпки! Жаль, мужского ничего нет, но я знаю, что нам делать. Просто доверься мне!

Он даже не спросил, за какие такие заслуги нам привезли столько подарков. Доверяет мне. Вот, оно семейное счастье. Когда муж ни на секунду не усомнился в своей жене. А оленьи рога, пусть псих сам носит, и про клоунский нос не забудет!

А вдруг, правда, извинился. Понял, что ошибся. И на этом он пропадет с моего горизонта? В таком случае и подарки можно оставить. Мне куртка не помешает, Анютка будет прыгать от восторга. Соблазн слишком велик. А если отдавать, то придется мужу правду рассказывать, а у меня язык не поворачивается.

Снова звонок в дверь. Муж опять меня опередил. Я услышала его довольный возглас до того, как увидела, как уже совсем другие мужики вносят на нашу кухню очередные пакеты с логотипом того ресторана, где мы сидели с психом. По квартире распространяются дурманящие запахи. В животе урчит.

– Станислав Юрьевич, желает приятного ужина, сообщил

Один из них.

– Передайте ему нашу благодарность, – Ванечка сияет, заглядывает в пакеты, свистит, – Вот это я понимаю... ммм... царская стряпня.

– Не стоит. Заберите это все, – мой голос звучит жалко.

Понимаю, что ни муж, ни эти мужчины меня не послушают. Да и снова странное желание во мне просыпается побаловать любимых. Пусть и за счет психа. Но ведь он мне столько крови испоганил! И если это искренние извинения, то я готова все забыть.

Думаю, он уже уехал. От этой мысли в груди неприятно кольнуло, меня охватило странное сожаление. Бред. Слишком много эмоций за эти сутки.

А в голове звучит его голос: «А ты ведь так и не поела». Настойчиво так звучит и заботливо.

– Так быстренько беги за Анькой. Я тут пока пошаманю, к вашему приходу будет сюрприз!

– Рано еще... у нее занятия... я думала быстро что-то перекусить, голодная очень, – говорю, пока муж помогает мне надеть курточку. К новым вещам пока не позволяю себе прикоснуться.

От голода у меня слабость, желудок скручивает. Малышку забирать через два часа. Сейчас у нее занятия по гимнастике. Все равно буду сидеть и ждать, пока малышей отпустят.

Пять минут ведь ничего бы не изменили... Но ведь и Ванечка хочет нам что-то приятное сделать. Уже предвкушаю

душевный семейный вечер.

– Нагуляешь аппетит! Поверь ты не пожалеешь! – весело мне подмигивает.

В саду все было так, как я и предполагала. Пришлось ждать целый час, пока дети освободятся. Моя малышка выбежала ко мне и сразу обниматься. Рассказывает новости за день, хвастается своими успехами, а я налюбоваться не могу на свою принцессу. Не удержалась и сказала, что дома ее ждут подарки.

Когда открыла дверь, выронила сумку, прижала к себе доченьку. Мотаю головой и ничего не понимаю. У меня снова шок.

Глава 5

Бессонница стала его вечной подругой. Больше трех лет Стас не спал нормально. Лишь изредка проваливался в небытие, чтобы увидеть один и тот же кошмар.

Обломки разорвавшегося автомобиля. И запах безысходности. Это не обломки автомобиля, это изувеченные куски его счастья. И он идет по ним шатаясь. Еще не верит – это конец. Не может поверить. Без нее нет его. Он сгорает там вместе с ней, и даже чувствует, как его кожа обугливается.

Эта женщина выросла ему под кожу. Он пропитался своей Тори. Растворился в их общем счастье. С ее появлением его мир изменился. Она его перекроила, показала, что можно до окончания жизни любить и желать лишь одну женщину.

Тогда Стас приехал на место аварии очень быстро. Гнал как безумец и верил, она жива! Обязана жить! Не может быть по-другому. Увидел полицейские машины. Остановился. На негнущихся ногах подошел к обрыву... увидел некогда красный автомобиль... все... что от него осталось... Черная безысходность подкралась к нему, впиалась скользкими шупальцами, отбирая его душу, разрывая на куски сердце.

Он кубарем полетел вниз. Его пробовали остановить. Но быстро оставили эти попытки. Стас ползал по выжженной траве, цеплялся скрюченными руками за обгоревшие обломки... не верил... не мог поверить...

Как еще сегодня утром она была живая, улыбочивая... Его Тори. Порхала по дому. Нянчилась с сыночком. Дюшке всего восемь месяцев, их долгожданный, любимый кроха.

– Я сегодня в город смотаюсь, по магазинам надо пробежаться, нашему герою, кое-чего докупить, да и себе марашет навести, – подошла и повисла у него на шее. Золотистые волосы рассыпались шелковистым каскадом, окутала своим неповторимым ароматом ванили, от которого он с ума сошел.

– Давай вместе сгоняем. Дюшка с няней побудет, – он не хотел ее отпускать. Просто вот так любоваться на жену и понимать, как тебе повезло. Не это ли счастье? – У меня сегодня по работе полный штиль.

– Н...н...нет... – нижняя губа дрогнула, в зеленых глазах промелькнул испуг.

Ее глаза, бездонные, огромные изумруды, как в первый раз попал в их плен, так навечно и пропал. Околдовала его Тори, приручила одинокого, циничного волчару. Она показала, что смысл жизни не в гулянках и бесконечной веренице безыменных девок, а в одной, которая непостижимым образом находит ключик от сердца. А далее сопротивление бесполезно... у нее ключик, и лишь она открывает врата в их персональный рай.

– Я уже скучаю! – прижал ее к себе. – Давай вместе, – провел ладонями по ее спине. Даже сквозь ткань блузки ощущаю гладкую кожу. Никогда ей не налюбоваться, около себя

бы вечность держал, и все равно будет мало.

– Мне самой надо. Просто одной побыть проветриться. Не обижайся, – рука на его щеке дрогнула.

Побежала к сыну и долго его расцеловывала в пухлые щечки.

– Дюшка, ты ведь знаешь, как мама тебя любит, сильно, сильно, – закружилась с ним по комнате. Снова расцеловала.

– А уж как мы мамку любим, – обнял их и сердце до краев радостью наполнилось.

Передала сына няне. В глаза ему заглянула.

– Стас... всегда помни, ты у меня единственный... ты все для меня... И никогда это не изменится, – голос серьезный, губы лихорадочно его целуют, хаотично, страстно.

– Ласточка, ты чего, я ж всегда с тобой...

Чувствовала она беду... подсознательно прощалась... Это сейчас Стас осознал, ползая по месту ее последнего пристанища. Почему отпустил? Почему не поехал с ней? Должен был предвидеть! Никогда себе не простит, что не уберег!

Сейчас у него у самого вместо сердца зияет обугленная дыра. Перед глазами ее лицо, и не верит... не может смириться... Она жива... Вот сейчас выйдет из-за поворота и на шею ему бросится...

Потеря... до этого момента он не осознавал, сколько адской боли таится в этом слове. Все можно исправить, только смерть, она безжалостно забирает самое дорогое. И больше нет человека. Остались только сожаления. Что мало сделал.

Мало любил. Драгоценное время на работу тратил, а ведь мог быть с ней. А теперь уже ничего никогда не будет.

Он распался на атомы и молекулы, не в состоянии принять правду. Если до конца осознает... то он не выживет... Как теперь ложиться спать без нее? Как просыпаться и не видеть Тори, сладко посапывающую на подушке? Вроде бы он жив, а уже нет. Тори... его ласточка... почему так рано ее полет прервался...

От тела осталось... ничего... по сути... не осталось. Он не мог поверить, что эти останки – его Тори. Это не укладывалось в голове, было выше его восприятия. Сутки он провел на месте аварии. И ни его люди, ни врачи, ни полиция, не могли оттянуть Стаса.

Это не любовь... это нечто большее неподконтрольное. Когда ты срастаешься, живешь и дышишь одной женщиной. А когда ее теряешь, остается лишь боль, нечеловеческая, раздирающая плоть, разъедающая грудную клетку.

Неделю он корчился в агонии, его ломало, и ни на секунду не находил себе покоя. Он тихо сходил с ума. Очень тихо... потому что на этом свете остался якорь – их сыночек, который держал его своими крохотными ручонками крепко и не позволял упасть на дно безумия.

Стас старался проводить с сыном как можно больше времени. Только благодаря Дюше выжил. Смотрел в его личико и знал, что выстоит, выдержит любые удары, лишь бы сын был счастлив. Сейчас он должен любить его за двоих, стать

опорой и поддержкой.

Дела отошли на третий, а то и десятый план. Был сын, он рос, и в его улыбке Стас видел Тори. Плод их любви, бесценное сокровище.

И если со временем внешне он смог наладить видимость жизни. То внутри царил ад. Стас не спал, не ощущал вкус еды, питался просто, чтобы были силы. А еще он так и не поверил. Возможно, если бы увидел тело... то разум бы как-то принял утрату. Но те останки... они не походили на человека. Он понимал, что это из разряда фантастики, что терзает сам себя, когда в очередной раз гнался на улице за женщиной, с криками «Тори!», а потом корчился от нового приступа сжигающей боли, когда незнакомка оборачивалась... и он видел чужое, незнакомое лицо.

Она мерещилась ему ежедневно, на улице, в торговых центрах, на работе и дома. А стоило только закрыть глаза, Стас видел тот день, и себя ползающим в осколках бывшего счастья.

Друзья говорили, что он уже и на человека перестал походить. У всех бывают утраты, но чтобы тихо превращаться в зомби... Надо найти другую... снять напряжение. Только Стас не хотел никого, не мог. Будто весь женский пол перестал разом для него существовать.

Он ходил к психологам. Сменил их с десятков. Нет, не просил избавить его от любви. Он хотел лишь дышать без разъедающей боли. Смотреть на мир, и не видеть ежесекундно

ее лицо. Ничего не помогало... Только сын был его солнцем, ориентиром в беспросветной темноте. С Дюшкой он чувствовал вкус жизни, дурачился, смеялся, пропитывался светом. Но раны на сердце не заживали, они продолжали кровоточить, тосковать и ждать... невзирая ни на что ждать.

Он не ходил на кладбище. Не мог. Так и не поверил. Когда пришел в себя, стал перебирать ее вещи. Зарывался носом в до боли родной запах ванили, выл сутки напролет.

Под грудой вещей Тори в шкафу нашел билеты. На Викторию и сына. Вылет был назначен через неделю после аварии. Это насторожило. Они всегда отдыхали вместе. И если бы жена куда-то собиралась, почему его не поставила в известность?

Дал задание людям копнуть глубже. Нашли человека, который на свое имя забронировал виллу в Италии для нее.

Неужели она хотела уйти от него? Почему? Что она скрывала? Нашли и ее левый счет с круглой суммой.

У супруги не было родственников. Подруги были допрошены бесчисленное количество раз. Но ничего нового, ни капли информации, которая бы могла пролить свет на происходящее.

Это порождало сотни вопросов, на которые он не мог найти ответа. И тогда его уверенность, что жена жива крепла. Он не мог объяснить себе логически этой уверенности. Грешил на поехавший рассудок.

Он даже сделал экспертизу ДНК тех останков. Неофици-

ально. Негласно. Результат подтвердил – в могиле Виктория. А он все равно не верил, вопреки неоспоримым доказательствам и доводам здравого рассудка.

Тогда впервые вместе с сумасшедшей неугасающей любовью зародились и первые ростки ненависти. Если она выжила и оставила их с сыном... Он заставит ее заплатить... И тут же бежал в их комнату, доставал ее шелковый халат и жадно вдыхал запах ванили.

Виктория не ушла, она продолжала жить в нем, дни, месяцы, годы. Ее тайны терзали Стаса. И он продолжал ее искать, видеть в лицах незнакомых женщин. Он сросся со своей болью, принял ее, научился жить, работать, и благодарил судьбу, что у него есть сын.

А теперь еще у Стаса появилась слабая, слепая, безумная надежда. И он так просто не намерен ее отпускать.

Глава 6

Наша маленькая комнатуха забита людьми. Человек десять точно. Мы с доченькой так и застыли на пороге.

– Мама, – Анечка дергает меня за рукав.

– Все хорошо, моя родная, – глажу ее по голове.

Что Ваня устроил? Шум стоит в квартире. Ребенку отдыхать надо. И я надеялась на тихий семейный вечер.

– Смотри, что у меня есть! – к нам подбегает девочка из соседнего подъезда, муж дружит с ее отцом, и показывает Анютке куклу... ту самую из коллекции, что Стас подарил.

– Инга, – присаживаюсь на корточки. – А кто разрешил тебе чужие вещи трогать?

Я не против, что дети поиграют. Но я хотела, чтобы доченька все распаковала. Она всегда с таким восторгом открывает коробки с бантиками, аккуратно бумагу разворачивает. Это же особое таинство, новую игрушку распаковать. Ох, надеюсь, остальные игрушки никто не тронул.

– Она моя! Папа так сказал! – Инга прижимает куклу к себе.

Беру доченьку за руку и решительно захожу в комнату.

– Ваня! – окликаю мужа, который стоит в дальнем конце комнаты и... разговаривает с Ольгой. Той самой сплетницей из торгового центра. А у нее в руках зеленая куртка... которую я примеряла в магазине.

– А вот и Леночка пришла! – муж улыбается мне. Лицо сияет. Давно его таким веселым не видела. – Я тут Ольге говорю, что куртка шик, фирма, и совсем недорого отдаем.

– По-соседски мог бы еще скинуть, – поджимает губы сплетница.

– Мам, я к Инге пойду, – доченька будто почувствовала, что сейчас неприятный взрослый разговор будет.

– Хорошо, радость моя, – обнимаю мою кроху. Хочу поскорее во всем разобраться, чтобы Анюточка могла в тишине свои подарки открыть.

– Она не продается, – выхватываю вещь из ее рук. – Извините, муж перепутал.

– Мы уже договорились, – тень куртку к себе. – Ишь, какая вертихвостка! Ваня, ты знал, что чужой мужик ее по торговому центру на руках носил? Я сама со Снежанкой сегодня видела! – и злобно так на меня смотрит, куртку выхватила.

– Че серьезно? – Ваня смеется. – Прямо на руках? – смотрит на меня, не верит. На смех Ольгу поднял.

Еще раз убеждаюсь, как много значит в семье доверие.

В другой момент я бы растерялась. Но сейчас разыграло желание поставить Ольгу на место.

– Это была деловая встреча. А вы увидели, как я подвернула ногу. Мне оказали помощь, – ложь непринужденно сорвалась с моих губ.

– Так уж и деловая? Ты на рынке торгуешь, о чем вам было лясы точить? Там мужик высший сорт! – прищурила глази-

щи свои, смотрит с ненавистью. И за что она меня так недолюбливает? Что семья у меня есть? А от нее муж сбежал, и дочь не пристроена.

– Об этом и общались. Договаривались о больших поставках фруктов. Перехожу на оптовую торговлю, – сказала так, что сама на мгновение поверила.

– Да нууу, – былая уверенность в голосе Ольги пропала.

– Вооот! – Ваня поднимает указательный палец вверх. – Я ж говорю, где моя Ленка, а где олигарх, зачем она ему сдалась. Около такого мужика при деньгах красотки высшего сорта вьются, – он это с такой завистью сказал, будто сам мечтает на месте олигарха с бесчисленным количеством девушек оказаться.

Обидно стало... он считает я недостойна мужского внимания? И ту же себе напоминаю, кто сидел у моей постели, пока я одной ногой на том свете была. Кто меня за руку держал и вслух мне книги читал. Не эфемерный олигарх, а именно Ванечка мой. Он все продал, лишь бы меня вытащить.

Говорю себе все это, а нехорошая такая горечь в горле застревает, сознание отравляет.

– Ай, разбирайтесь сами, – машет рукой Ольга. – А кутку я беру, – достает кошелек и отсчитывает деньги. Муж вырывает их из ее рук быстрее, чем она успела их ему протянуть.

– Продано!

– Что значит продано?! Это мои вещи! Ваня, отдай ей деньги! – слезы подступают к горлу. Обидно так.

– Пошли, переговорим, – заискивающе улыбается Ольге. Берет меня за руку и отводит на кухню. – Лен, чего ты концерт устраиваешь? Нам сейчас деньги позарез нужны.

– А мне нужна куртка! Вань, я мерзну! Я не давала своего разрешения! И что это за люди? Пусть они уйдут! – впервые за долгое время я не могу сдержаться. Мне так обидно...

– Мы купим тебе куртку, любимая! Пойдем вдвоем выберем, какую ты захочешь, – сжимает мою руку, в глаза заглядывает. – Может, я не хочу, чтобы ты вещи от постороннего мужика носила!

Он ревнует?

– Вань, это не повод приводить людей в дом! Надо было со мной обсудить! И если не хотел брать от него ничего, надо было отказаться, как я и предлагала!

– Зачем отказываться. Мы все продадим, у нас долги за квартплату. Их погасим. Тебе обновку купим. Но так чтобы я выбрал, а не он! Ну и на бизнес нам останется. Я сейчас все по нормальной цене толкну!

Дальше нам договорить не дали. На кухню зашел сосед, отец Инги.

– Слушай, а куклы зачетные. Я все заберу. Там же коллекция.

– Нет! Это Анюткины! – кричу в истерике.

– Не бойсь, Ленок! Я о дочери подумал, самую красивую ляльку ей оставил, – Ваня с победным видом из-под стола достает розовую коробку. – Папка помнит про своих дево-

чек!

Кукол я отвоевала. С трясущимися руками и дрожащим от гнева голосом стояла на своем. Отвоевала всех кроме одной, с которой Инга уже играла. Не забирать же у ребенка понравившуюся игрушку. Ваня сопротивлялся, пытался меня «вразумить» и говорил, что скоро мы купим доче еще больше игрушек. Но в данном вопросе я была непреклонна. За доченьку я готова в огонь и в воду. И если мне пришлось воевать с собственным мужем, что ж Анюткина радость того стоила.

Ладно, я могу и старых вещах ходить. Перебыюсь. Но моя дочь. Если ей подарили кукол, то он не имеет права их отнимать.

Без сомнения, позор нам родителям, что сами не можем купить. Но раз уж так сложились обстоятельства, и Стас сделал подобный жест, то Ваня неправ. Нельзя решать наши проблемы за счет ребенка.

Надо было видеть, как загорелись глаза Анютки. Как она восторженно перебирала коробки, не решаясь их открыть. Доченька не верила, что это все ей. Она привыкла, что мы живем скромно. А тут такая роскошь. Детская мечта сбылась. А ее улыбка бесценна.

В то же время мне больно, до слез обидно, что не можем ее баловать, как оно того заслуживает. Отвернулась к окну и украдкой вытираю слезы. С Ваней я поругалась. Впервые за долгое время. Не имел он права не посоветовавшись со

мною, приводить в дом людей. Продавать вещи.

Где тот Ваня, который был в больнице? Когда наша жизнь начала уверенно катиться по наклонной вниз? Он ведь заботится по-своему о нас. Но делает это так... неуклюже... что ли. В итоге мы еще больше проваливаемся в долговую яму.

Он хороший отец. Играет с Анюткой. Укладывает ее спать и читает сказки. Никак понять не могу, как ему в голову пришла идея отобрать у ребенка игрушки? Или безденежье бьет по нему слишком сильно. Он переживает за семью. И от этого творит подобное? Скорее всего. Ведь в отчаянии люди способны на самые безрассудные поступки. Те же пирамиды, в которые он постоянно вкладывается – это его способ быстрее решить наши проблемы. Глупый и убыточный способ.

Когда все уляжется, надо серьезно поговорить с мужем. Так дальше продолжаться не может. А пока я сижу на кухне с ребенком. А в нашей комнате идет полным ходом пир.

Соседи, купив мои вещи, ушли. Остались Ванины друзья. Они накрыл стол и уплетают ресторанные деликатесы. Я взяла еды себе и дочурке, мы поужинали. Анютка занята игрушками. А я смотрю в окно и глотаю горькие слезы.

А еще меня поедом ест чувство вины. Я подсознательно начала сравнивать своего мужа с психом, и к сожалению, Ванечка сильно проигрывает. Нет. Не по финансам. Я не гонюсь за миллионами.

Фраза: «Ты ведь так и не поела» звучит у меня в голове не переставая на повторе.

Обычная казалось бы фраза. Но в ней слишком много всего для меня... Того что я от мужа давно не ощущала. И этот поцелуй, который перевернул мне душу. Никогда не испытывала ничего подобного с Ванечкой. Чувствую себя предательницей. И в то же время жутко злюсь на супруга.

Этот хохот за стеной. Им там весело. И его не волнует, что я сижу на кухне с малышкой, постелив несколько одеял на пол. Я могу только заходить и просить быть тише.

– Леноч, мы тут важный проект обсуждаем! Скоро так заживем! – смотрит на меня осоловевшими глазами.

Мне так тошно становится. Возвращаюсь на кухню. Не сейчас. Позже. Вот придет в себя. Дурман спадет, и я поговорю. Мы спокойно все обсудим и придем к взаимопониманию. Если мы пережили мою аварию, то уж с бытовыми проблемами точно справимся. Просто у нас кризис в отношениях, так у всех пар бывает. Мы все преодолеем.

Но мысли мои уже не с Ваней. Стас подарил девочке, которую никогда не видел игрушки на сумасшедшую по моим меркам сумму. Почему? Ко мне у него бредовые фантазии, навешанные собственной трагедией. Но забота о ребенке. Глупо отрицать – я тронута.

Достаю мобильный и руки сами вводят в поиске: Андриевский Станислав Юрьевич. Вздрагиваю, когда через экран на меня смотрит лицо зверя. Про него очень много информации. Глаза разбегаются. Сотни фотографий. Он в разных ракурсах. И с каждого снимка меня прожигает этот бешеный

взгляд, чувствую его даже через экран телефона.

В глаза бросается фотография, где он в обнимку с блондинкой. Под ребрами будто сдавливают железные обручи. Увеличиваю изображение. Хочу понять, с кем он там меня спутал? Что у меня с этой женщиной общего?

На этой фотографии Стас другой. То, как он на нее смотрит... невольно завидую, чисто по-женски. Любая женщина хочет, чтобы на нее смотрели именно ТАК.

Страсть передается через снимок. Его глаза горят, он никого не видит вокруг, словно она – это центр его вселенной. Чувства преображают хищника, делают лицо гораздо привлекательнее, смягчают черты лица. Их химия ощущается даже сейчас, мне постороннему человеку.

Женщина... как он говорил... Виктория. Она очень красива. И я не понимаю, где он нашел сходство? Возможно...если присмотреться один типаж, цвет глаз. Все. Почему-то не могу перестать разгадывать ее. Изучаю черты лица, с каким-то странным ощущением грусти и неприятной горечи на языке.

Очень странные чувства. Они будоражат мою душу. Отодвигают на задний план мои собственные проблемы. Никогда бы в такое не поверила, но я будто сквозь время, ощущаю их особую связь.

Тот случай, когда слова не нужны. О его чувствах говорят глаза. Острый укол в сердце... а ведь у меня совсем не такие отношения. Ваня так на меня не смотрит.

Тут же одергиваю себя. Ваня сделал гораздо больше. Он вытащил меня с того света. Но почему-то мои же слова, не находят отклика в душе. Слишком сильное впечатление на меня произвела обычная фотография, по сути, абсолютно незнакомых мне людей.

Усилием воли заставила себя отлипнуть от снимка. Стала читать информацию о нем. Стас владелец крупнейшего строительного холдинга. Его называют одним из самых завидных холостяков страны. Ему тридцать четыре, бизнес получил в наследство от отца, за несколько лет расширил империю до невероятных размеров. Хвалебных статей о нем очень много. При таких деньжищах оно не удивительно, может купить любое издание и заказать статью. А что? Надо ведь репутацию поддерживать.

Только в одной публикации нашла информацию, что за последние три года, его бизнес стремительно теряет позиции. О личной жизни тоже написано много. Ему приписывают романы с моделями киноактрисами, а где правда, где вымысел сложно сказать.

Вбила в поиск подробности гибели его жены. Зачем? Женское любопытство... или что-то большее. Статья называется: «Сказка для сиротки с драматическим концом». Может не стоит мне лезть в это? Но где там, я уже жадно вчитываюсь в текст. Виктория воспитанница детского дома, самостоятельно поступила в институт. Каким-то образом попала к Стасу на работу. Их роман развивался стремительно. Спу-

стя три месяца Андриевский сделал ей предложение. А спустя год после свадьбы у них родился сын. И фото, как Стас держит на руках маленький сверток.

Голова закружилась. Стало дурно дышать. В висках пульсирующая боль. Подбегаю к холодильнику, открываю его и вдыхаю холодный воздух. Щеки пылают. Хочется приложить лед к голове, щекам. Дикий бег крови по телу, и боль в висках, все резче, острее.

С трудом удалось успокоиться. Не понимаю, что со мной. Неужели так тронула их история? Мне бы отложить телефон. Но вместо этого продолжаю читать. Далее следует рассказ об аварии. Жуткие подробности... взрыв... обломки автомобиля.

Но ведь даже место аварии далеко от моего. Стоп. О чем я вообще. При чем тут моя авария? Да, совпадение, не более. Пусть и весьма странное, учитывая, что каким-то непостижимым образом Стас прицепился ко мне. Еще и в городке, в котором он по определению никак не мог быть. Но жизнь полна странных и удивительных вещей.

У меня с той женщиной нет ничего общего. Даже зачем-то нашла год и месяц ее рождения. Я на год старше. Она родилась в январе, я в августе.

О чем я вообще думаю? Верю в бредни Стаса? Он сделает тест ДНК и исчезнет с моего горизонта навсегда. Уже исчез. Я не могу быть Викторией, я же видела ее фотографию. У меня муж и ребенок.

Меня просто впечатлил тот снимок, их история, наше странное знакомство со Стасом. Я подавлена ссорой с мужем. И вот результат фантазирую. Мне пора все это выкинуть из головы. Почему я продолжаю себе доказывать очевидные вещи?

Пульсация в висках так и не проходит. Соседи продолжают заседать у нас дома. Меня трясет, кидает то в жар, то в холод. Не могу найти себе места.

– Моему ребенку пора спать! Пора закругляться, – захожу в комнату. Никого не вижу, перед глазами все еще стоит тот снимок. И еще один, где Стас с невероятной нежностью смотрит на новорожденного кроху.

– Ленок, мы еще немного. Ты же одеяло взяла, пусть на кухне поспит, – Ваня раскраснелся, язык заплетается.

– Моя дочь будет спать в своей постели. Всем спокойной ночи! – говорю резче, чем мне бы хотелось.

Глава 7

Прошло три дня. Стас вернулся домой. А из головы не уходит Лена... чтоб ее... ведьма. Его и без того пошатнувшийся мир взрывается. Он сходит с ума и не может остановить себя в этом безумии.

На работе творится вакханалия. Стас уже давно забил на многое. Не может он, как раньше отдаваться работе. Бессонница, воспоминания прошлого, незаживающие раны. Он звереет, мечется из угла в угол и понимает, что попал в адскую воронку, из которой нет выхода.

Стас посвятил все эти три дня Дюшке. Сходил с ним в парк, на лошадей, смотрел на улыбающееся лицо сына и понимал – все было не зря. У него есть сын. Плод настоящей любви. Виктория... он никогда не узнает, что было в голове у его жены, когда она устраивала побег. Но он всегда будет ей благодарен за бесценный подарок.

Почему он решил лично поехать в тот затхлый городок? До сих пор ответа нет. Ему предложили неплохой проект, который мог решить многие проблемы. Земля там стоит копейки, а прибыль при удачном раскладе намечается солидная.

Стасу стукнуло в голову, что неплохо было бы развеяться. Прокатиться на машине, сбежать от суеты столицы. Нет бы купить путевку на курорт, нет, будто невидимая рука адского

существа волоком потащила его в это захолустье.

Он увидел ее со спины. Обычная баба, нагруженная сумками, а у него все внутри перевернулась, тысячи иголок в сердце впились, и молнии не переставая по башке бьют. Плечом дернула... обычный жест... а он перед глазами Тори видит.

Неужели снова рецидив? Когда на каждом шагу мерещилась. Несколько месяцев, как призраки прошлого ослабили свою хватку.

Он вглядывался в силуэт. Каждый шаг... ведьма будто проходила по его оголенным нервам. Сканировал взглядом ее профиль... Похожа... Настолько, что он видит свою Тори. Ненависть смешивается с отчаянным чувством тоски. Неужели она бросила его... и главное – Дюшку и... преспокойно живет новой жизнью. Вычеркнула их.

Стас уже не понимает, где он и что происходит. Чувства смешались в бешеный коктейль. Он не верит своим глазам. Это все призраки прошлого, иллюзия самообман. Не может эта женщина быть... Тори...

Но он как умалишенный продолжает ехать за ней. Эта походка... внутри все вскипает. Стас кричит, зовет ее. Он уже не отдает отчета, что творит. Понимает одно – должен поговорить. Не имеет права отпустить. Сейчас убедиться, что это снова отголоски кошмаров. Станет легче.

Нет, легче не стало. Посмотрел в ее глаза и утонул. Пропал в водовороте былых чувств. Точно так же он упал в зеленый

омут, когда Тори впервые переступила порог его офиса.

Лицо другое и при этом он не перестает видеть свою Тори. Голос более хриплый, не такой звонкий как у жены. Круги под глазами, осунувшееся лицо, черные с едва заметным каштановым оттенком волосы, приоткрытые чувственные губы. Он как помешанный изучал все, впивался взглядом и не мог насмотреться.

Она точно так же морщит нос, прищуривает глаза, а когда боится, уголки губ опускаются вниз. Такие привычные, до боли знакомые жесты... на чужом лице. Или не чужом?

Тогда он был слишком взволнован, чтобы верить своим глазам. Уже не раз они его обманывали, подсовывая образ жены в самые неожиданные моменты.

Вдохнул ее аромат и... уплыл в прошлое, в тот первый раз, когда обнял Тори. Как его окутал запах ванили и уюта. То чувство, когда разум дает сбой, и ты просто каким-то подсознательным чувством понимаешь – это твой человек. Тогда срывает тормоза, отключается рассудок, и ты отдаешься этому чувству до конца, без остатка. Стасу на счастье, или на беду довелось познать сумасшедшую любовь, которая случается лишь раз в жизни. Пусть Тори больше не рядом с ним. Но он продолжает жить с этим чувством внутри.

И вместе с этой любовью крепла ярость. Как она могла, вот так слинять? Можно ведь было поговорить. Все ему объяснить. Рядом с этой незнакомой женщиной росла уверенность Стаса – его Тори не погибла.

Он так и не принял этот факт. И сейчас вопреки логике убеждался в этом. Он выведal у незнакомки данные. Надо было срочно все проверить.

Ему нарыли на нее все. Биографии женщин никак не пересекались. Только авария, другая внешность, это настораживало. Но это ни о чем не говорило по факту. А по сути, как только ее видел, все внутри отчаянно вопило: «Это она!».

В ту ночь кошмары его больше не мучили, на смену им пришел образ Ведьмы. Леной он ее не мог называть, это имя казалось неправильным. Оно пахло ложью, а ложь Стас презирал всем своим естеством.

До утра он перебирал информацию, цеплялся за малейшие детали. И выл от отчаяния. Чувства шли вразрез со здоровой логикой. Есть данные, в какой клинике она лежала, какие были проведены операции. Ее действительно вытащили с того света. Места аварий были очень далеко друг от друга. Хоть произошли в один и тот же месяц, но в разные дни.

Были даже снимки с места происшества. Хоть там ничего толком было и не рассмотреть. Были и другие фотографии. Лены до происшества, с раннего детства, до вполне зрелых лет. Он вглядывался в них и ничего не понимал... лицо другое... кажется... Но почему он видит Тори? Почему эта улыбка, эти морщинки около миндалевидных глаз пробираются в сердце и оставляют там ожоги? Он сравнивал фотографии Тори, видел отличия и не видел их вовсе.

От горя ведь люди сходят с ума? Он так и не смог отпустить жену, и сейчас хватается за призрачную нить, которая ведет его к безумию. А ему нельзя терять рассудок. Дома ждет Дюшка. У малыша остался только он. Стас ему отец и мать и он поклялся, что даст сыну все самое лучшее. И дело далеко не в финансах, ребенку нужно родительское тепло – это в первую очередь.

Надо сделать тест ДНК, тогда все сомнения разом отсеются. Можно рыть дальше, по крупицам разобрать ее жизнь. Только у него нет времени, ему надо узнать все как можно скорее. А самый верный и быстрый способ – это ДНК.

С самого утра он уже следил за ней. Видел, как вышла с дочерью из подъезда, как заботливо поправляет на ней шапочку и сгорал в машине от жгучей боли и нежности. Если это она... то его сын был лишен все эти годы материнской любви. А девочка, откуда она?

Стас допускал, что Тори могла забыть после аварии многое. В заключении врачей указывалась частичная амнезия. И не мог простить, как она могла забыть собственного сына. Но девочка... она не вписывалась в картину, учитывая, что дети появились на свет с разницей в два месяца.

Кому он лжет, ничего не вписывается. Жизнь этой женщины, сама Лена никак не вяжется с Тори. Он безнадежный безумец, если допускает подобный вариант. Вот проверит и вычеркнет захудалый городишко вместе с этой женщиной из памяти. Ему сына поднимать надо, а не страдать от бредовых

галлюцинаций.

Посмотрел на легкую обшарпанную курточку Лены и грудь будто когтями царапнуло. Жалко. Муж у нее... это существо даже с натяжкой нельзя назвать мужиком. Иждивенец на шее у жены.

И все же Стаса охватила жгучая и непонятная ревность. Это существо дотрагивается к Лене, трогает ее своими грязными лапами. Сжал кулаки, подавляя желание переломать ему все пальцы.

Пошел за ней на работу. Торгует овощами, фруктами на рынке. Хрупкая, нежная, а таскает тяжеленные ящики. Не мог на это смотреть. Скупил все, прежде чем успел опомниться. В нем проснулась дикая потребность оберегать ее. Как прижал там к себе ящиком, впервые за три года почувствовал себя живым. Вдохнул запах ванили, и по венам побежала горячая кровь, в висках пульсация, голова ходуном. Как сногшибательное наваждение.

Это не Тори. Пытался образумить себя. Но где там. Ему было слишком хорошо в ее обществе. Пусть злится, негодует, от этого ее щеки покрываются румянцем, а его сердце ударяется о ребра, адреналин бежит в крови. Он возвращается в прошлое, когда был реально счастлив.

Это настоящая агония. И Стас жаждал ее продлить. Любым способом. Только бы остаться с ней как можно дольше.

Он получил какое-то дикое удовольствие, просто покупая ей вещи. Смотреть, как загораются ее изумрудные глаза, и

она всеми силами пытается подавить этот блеск. Тори не была скромницей. Лена отличается и в этом. Но как же она похожа. Стас старался долго не смотреть ей в глаза, его затыгивало так стремительно, что он забывал обо всем, терял расклад, и безумной части его сознания это определенно нравилось.

Когда встретили ту тетку, он спонтанно взял ее на руки. Будто в нем проснулся инстинкт хищника, вот так примитивным способом перед незнакомыми людьми обозначить свою собственность. Идиотизм. Но именно так она не него и действовала, превращала в глупца. Давила на больные раны, вскрывала их своими ноготками, и он терпел адскую боль и хотел продолжение этой агонии.

В ресторане, когда Ведьма начала говорить про своего мужа, у него было только одно желание – свернуть ничтожеству шею. Так чтобы больше никогда не смел даже смотреть на нее. А ведь она вернется к нему в их общую клетушку. Он имеет на нее все права.

В тот момент разум вновь помутился, он видел свою Тори в объятиях чужого мужика. То, с каким запалом, вдохновением и обожанием она рассказывает про Ивана, заставляло его снова и снова корчиться в муках ревности. Непонятной. Безумной. Сжигающей все на своем пути. Ведьма играла с ним в опасную игру, сама того не ведая пробуждала в нем собственника, готового крушить, рвать, ломать любые преграды, лишь бы заполучить желанную добычу.

Стас не мог сам себе объяснить своих действий и чувств. Немного остудил его пыл звонок няни, и позже разговор с сыном. Надо взять у Ведьмы материал, сделать анализ и вырвать с мясом из себя эту необъяснимую одержимость.

А вместо этого Стас ее поцеловал. Не мог поступить иначе. Он обязан ощутить вкус ее губ. Убедиться, что вовсе не те. Что все не более чем мираж, игра его больного воображения. А сам попал в капкан, потерялся в водовороте чувств, который закружил так стремительно, что земля под ногами плавилась. По венам текла раскаленная лава. Спустил столько лет он целовал свою Тори. Ее вкус, ее губы, ее движения. Ток бежал по оголенным нервам, остро, запредельно, невозможно. Это не поцелуй – это оглушительный взрыв, от которого разлетелись в щепки остатки его здравого разума.

Из воспоминаний Стаса вырвал звонок смартфона. Дрожащей рукой принял вызов. Сейчас ему озвучат приговор.

– Станислав Юрьевич, это Скляров вас беспокоит.

– Слушаю, – голос дрогнул, – Что там у вас?

– Я вам сейчас результаты на почту отправлю. Но решил сообщить лично, – заискивающий голос врача. – Хоть это категорически против правил, но для вас Станислав Юрьевич...

– Я понял, – обрывает со злостью. – Так какой результат?

– Совпадение последовательности дезоксирибонуклеиновой кислоты менее семи процентов. Материнство исключено.

Глава 8

Когда гости ушли, Ваня еще долго не мог успокоиться. Говорит, сыплет оскорблениями, едва стоит на ногах, а все не уймется.

– Жена – это поддержка. А ты только берешь и требуешь. Где бы ты была сейчас без меня? Землю грызла? – процедил со злостью, надкусывая бутерброд с лососем. – Такой шанс выпал, провести время в компании друзей. Могла с нами посидеть, Антоха сыграл бы на гитаре, душевно бы посидели. Я хотел отблагодарить их, обсудить бизнес. А ты устроила концерт, пожадничала кукол. Вот скажи, зачем Аньке их столько? Солить будет? Одна кукла и нормалек. Зачем ее баловать? Тем более, когда нам бабки нужны, – слова льются непрерывным потоком, язык заплетается, глаза закатываются, а муж все больше заводится.

– Вань, иди спать. Завтра поговорим, – в таком состоянии с женщиной не надо вступать в разговор. Меня еще мама учила. Вот проспится и на следующий день будет толк.

Но его слова как занозы в сердце впиваются. Ранят. Выстраивают между нами стену отчуждения. Или всему виной Андриевский? Вот даже сейчас в такой момент о нем думаю. Паршиво на душе, с какой стороны ни глянь – мрак.

– Я все продумал, о будущем нашем забочусь. Проекты пробиваю, с людьми советуюсь, угостить хотел, показать

семейное гостеприимство, а в итоге опозорила меня, коза неблагодарная.

– На данный момент работаю только я, – не удержалась, вырвалось. Обидно стало.

– Да ты че! – присвистнул. – Ага, ага... была бы у нас трехкомнатная хата, всем бы места хватило. И не надо было гостям на головах друг у друга сидеть. Так что если посчитать... кто и что сделал... Эх, Ленка, ни капли совести и стыда, разбаловал я тебя.

Знает, куда бить. А то, что это родной человек от этого еще больнее. Но он ведь сейчас в неадекватном состоянии. Завтра все будет иначе. Только горький пепел его слов оседает в душе.

– А ведь и дальше баловать хочу. Куртку новую тебе вы-брать, Аньку одеть. И все у нас будет. Сейчас вложусь, и мы такие деньжищи поднимем, что даже сможем из этой халупы переехать. Но разве ты ценишь? Такой вечер испортить... – взял тарелку с салатом и съел несколько ложек. Майонез по подбородку течет, он этого не замечает. – А мне тоже отдых нужен. Халява перепала, так надо уметь расслабиться. Занудная и жадная ты Ленка. Обо мне ни капли не думаешь!

Дальше слушать я не стала. Забрала доченьку из кухни, уложила в кроватку. Подождала, пока уснет. Благо при малышке, Ваня не стал продолжать свои оскорбления. Сидел и поглощал еду в одиночестве. А я уже рада, что перестал выливать на меня потоки желчи и ругательств.

– Ты это... уберись тут! – икнул.

Ничего не ответила. Ушла спать на кухню. Первый раз за нашу семейную жизнь. Что в него вселилось? К нам ведь заходили его друзья и раньше. Я проводила время на кухне. Но все было тихо, нам всегда удавалось прийти к взаимопониманию. Или что-то во мне поменялось? И я на него смотрю немного другим взглядом?

Ваня быстро заснул и захрапел. А я так и не сомкнула глаз. Лила слезы в подушку. Старалась убедить себя, что завтра все изменится. Ссоры ведь бывают в каждой семье. Но обидные слова Вани так и звучат в голове на повторе, будто заело пластинку, и никак ее не выключить.

Еще и лицо Стаза стоит перед глазами, зверюга словно насмехается надо мной. Как в таком состоянии уснуть? Они как сговорились добить меня окончательно.

Утром, когда с доченькой уходили из квартиры, Ваня еще спал. Глаза опухли до такой степени, что веки полностью не размыкаются, все расплывается, и пекут нестерпимо. А мне еще целый день стоять за прилавком.

Отвела Анютку в садик и на работу. Приготовилась уже новые ящики таскать. Стас ведь все скупил, значит, мне новый товар раскладывать. Ошиблась... Грузчики снуют туда суда.

– Доброе утро, Лена, – шеф явно в хорошем расположении духа.

– Здравствуйте... У нас пополнение штата?

– Как сказать, – замылся. – Тут этот твой меценат... В общем... нанял парней, оплатил их работу и сказал, что мой бизнес прикроет, если ты хотя бы один ящик поднимешь.

– Серьезно? – я так опешила, что не могу понять своих ощущений.

– Да. Дал указания тебе не говорить. Но как тут о таком промолчишь. Чем ты его зацепила, а, Лен? – и пытливо так на меня смотрит.

– Ничем.

Захожу за прилавок. Нет у меня желание вести дискуссию. Тем более я прекрасно понимаю, к чему Андрей Валентинович клонит. А переубеждать... чем больше отрицаешь, тем сильнее люди будут верить в небылицы.

Стас... чего он добивается? По идее я должна разозлиться, а не выходит. Давно я не ощущала заботы и, как ни странно, получила ее от чужого мужика. А от родного мужа – ушат помоев. Больно. Слезы снова наворачиваются на глаза. Надо что-то менять в наших отношениях с Ваней. Спасать семью, пока не поздно.

А поступок Стаса, чем бы он ни руководствовался... спасибо ему. Пусть он этим породил новые слухи. Но вопреки всему мне приятно. Глупо отрицать этот факт.

Когда на рынке стало немного спокойней. Грузчики закончили работу, первый наплыв покупателей спал. Я присела и набрала маму.

– Леночка, зайныка, как я рада тебя слышать, – раздается

в трубке ее веселый голос. – Я Ванечке звонила, не хотела отвлекать тебя. Как вы там? Я тут...

– Мам, у меня к тебе будет странный вопрос, – выпаливаю, прерывая ее речь.

– Конечно, зая, какой?

– Ты знаешь Станислава Андриевского? – что меня дернуло спросить у нее? Ответа нет.

Но ведь мама может знать то, что я забыла. Глупо. И все же. Что-то внутри, какое неведомое предчувствие, или игра моего воображения подталкивают к этому вопросу.

– Кто? – выпалила громко, так что в ушах зазвенело.

– Андриевский Станислав Юрьевич, – сердце ускоряет ритм, – Я так поняла, знаешь? – сжимаю телефон до боли в пальцах.

– Хм... знаю, – замялась, кашлянула. – Олигарх столичный... по телевизору видела. А тебе он зачем?

– Мам, сейчас будет немного странный вопрос, – зажмурилась, стыдно такое вслух произносить. – А ты не знаешь, я случайно с Андриевским не пересекалась в прошлом?

Только когда произнесла, до конца поняла, какая это нелепость.

– Ты... что? – повисла пауза и слышно только мамино прерывистое дыхание. – Откуда такие мысли? Лена, у тебя, что проблемы начались? Последствия аварии дают о себе знать? Ты скажи мне, деточка. Не скрывай. Я деньги на врача переведу. Помнишь, как Павел Денисович тебе помог? Не наста-

ло ли время снова к нему обратиться? – она выпаливает все скороговоркой, чувствую ее волнение на расстоянии. Переживает за меня, моя хорошая.

– Нет, что, ты все хорошо. Просто я встретила Андриевского на днях. Странная была встреча, – помедлила. Не стала вдаваться в подробности. Не стоит маме еще больше причин для волнений давать. – Вот я и подумала, может, мы с ним ранее знакомы были.

– Что же твориться такое! – причитает, всхлипывает. – С кем ты там знакомства втайне от мужа заводишь? Ванечка, он разве заслуживает такого предательства? Что тебе этот... нехороший человек наговорил?

– Почему нехороший? Откуда ты знаешь? – неприятно резанули именно эти ее слова.

Как она может судить о нем, если только по телевизору видела?

– Все они толстосумы одинаковые, – пренебрежительно фыркает. – К людям обычным, как к мусору относятся.

А мне дико хочется на его защиту встать. Не знаю, что со мной происходит, только обидно слышать про Стаса такое. Он, конечно, псих, но от него я видела заботу. В памяти моментально всплыл утренний эпизод с грузчиками.

И все же не понимаю, почему слова мамы во мне настолько сильный протест вызывают.

– Но ты ведь не знаешь! – резко повысила голос. – Стас, наоборот, проявил себя не с такой уж плохой стороны.

Это я про зверюгу сказала? Реально я?

– Ах, уже «Стас»! Лена, опомнись! – мама едва не плачет. – У тебя Ванечка, Анютка, а ты с чужими мужиками шашни крутишь! Ты как Ване в глаза собираешься смотреть? После всего, что он для тебя сделал! Муж – самый близкий человек, он с тобой в огонь и в воду.

– Да, с чего такие выводы-то, мама! Ни с кем я ничего не кручу! – тут же вспоминается мой поцелуй со зверюгой, кровь приливает к щекам. – А твой Ваня, он снова в пирамиду деньги вложил! И не подумал о семье, не посоветовался! Я одна работаю! – внутри агрессия просыпается, вчерашние обидные слова мужа вспоминаю. Жутко бесит, что мама его защищает.

– И что? Лена, он для семьи старается! Я слышала, если правильно вкладываться и вовремя деньги вывести, то можно отлично заработать! Мы все ошибаемся, но на то у него жена есть, чтобы подсказать, поддержать. Вместе рука об руку со всем можно справиться, – слышу звяканье посуды, мамино сопение. – А насчет олигарха, материнское сердце не обманешь. Не просто так ты разговор со мной завела. Не к добру все, Лена. Я жизнь прожила. Знаю, как мужики лапшу на уши вешать умеют, чтобы свое получить. Подарки, красивые слова, а потом выкинут как отработанный материал. И ни мужа не будет, ни олигарха недоделанного. Я вот твоему отцу верность всю жизнь храню. А ведь до сих пор поклонники имеются. А всем на дверь указываю. Лена! Заклинаю

тебя, опомнись! Давай к врачу сходим, я все оплачу! Землю рыть буду, ничего для тебя не пожалею, лишь бы здорова была! – у нее истерика началась. Говорит не переставая. Плачет, задыхается, всхлипывает.

Вот что я за дочь такая? Любимого человека до такого состояния довела.

– Не надо врача. И денег. Ты о себе подумай. Мы справимся.

– Вы ко мне приезжайте. Бери Ванечку, Анютку, на свежем воздухе оно все наладится. И если снова на горизонте олигарх появится, даже не говори с ним, гони поганой метлой. А я вам сегодня денег переведу, на гостинцы любимым.

– Мам, тебе самой они нужны, – стыдно, взрослая женщина, а я у матери деньги беру.

Уж слишком дорого я им всем обошлась. Может, она и права, Стас несколько красивых жестов сделал, из-за своих больных фантазий. И это ему ничего не стоило, денег-то много. А Ванечка ради меня последнее отдал.

– Ой, сколько мне там надо. Для вас родные и живу. Ванечку за меня поцелуй и Анютку обними, – голос теплее стал. Всплипы прекратились.

– Обязательно, мама. И пожалуйста, не нервничай, нельзя тебе.

Зачем я разговор дурацкий затеяла? Маму нервничать заставила. С другой стороны, я ведь никаких подробностей не рассказывала, она сама завелась, когда про постороннего

мужчину слышала. Слишком сильно моего мужа любит, на его защиту в любой ситуации всегда становится.

Позвонила и только хуже сделала, себе и ей душу разбередила. Теперь успокоиться не могу. Мысли путаются в голове, места себе не нахожу, тревожно. С трудом день отработала. Забрала дочурку из садика. По дороге мысленно настроилась на разговор с мужем. А его дома не оказалось. Только записка на столе:

«Уехал к маме. Не звони мне. У тебя есть время подумать над своим поведением».

Серьезно? А Ване не надо тоже подумать? Больно стало от сухого тона записки. Как чужому человеку написал.

«И ты подумай о своем поведении!».

Не удержалась и набрала ему ответное сообщение. Звонить не стала. Не хочет общаться, уехал к матери... пусть. Возможно, нам действительно нужно время, чтобы все переосмыслить. Остыть. И далее на трезвую голову все обсудить. Меня пугает, что наш брак слишком стремительно катится в пропасть. И пока я не понимаю, как все вернуть в прежнее русло.

Ваня так и не позвонил. А я зачем-то целый вечер поглядывала на телефон. Хоть бы про дочь поинтересовался, что ли. Мама перевела деньги, как и обещала. Стыдно признаться, но я даже не стала отнекиваться и отсылать назад. Ваня забрал все деньги. Зарплата у меня раз в неделю. Гости вчера почти все съели. Мне ребенка кормить. Уже думала у сосе-

дей займы просить. Но мамочка, как всегда выручила.

Эх, Ваня... ведь мог об Анютке подумать и хоть что-то оставить. Нет, надо определенно что-то менять в семейной жизни. Вместо того чтобы остыть, я еще больше завожусь. Словно отсутствие мужа заставляет на все под другим углом посмотреть. Еще больше морально отдаляет меня от него.

Зато на следующий день, когда я была на работе, позволила свекровь.

– Леночка, что у вас там стряслось? – голос взволнованный.

– Ваня вам что сказал?

– А я его толком и не видела. Приехал сумку с вещами кинул и ушел к друзьям. Но сразу смекнула, раз он вот так без предупреждения приехал, значит, поскандалили вы знатно. Ванечка, он же в крайних случаях ко мне и с того ни с сего заявляется. Переживаю за вас, сердце не на месте, – вздыхает.

Свекровь у меня замечательная. Далекое не всегда мужа поддерживает. Часто мою сторону принимает. Очень она расстроилась, когда муж с преподавательской карьерой завязал. Она всегда мечтала, чтобы он по стопам покойного отца пошел, кандидатскую защитил. Но не срослось. И с пирамидами, когда в кредит очередной влез, именно свекровь его отчитывала и обещание брала, что прекратит подобным заниматься.

– Он опять в пирамиду деньги вложил, – выпалила. Знаю,

что на большую мозоль ей наступила. Но вдаваться в подробности всей ситуации не хочу. В принципе, уже плохо, что сор из избы выношу и жалуясь. Но и совсем ничего не сказать не могу.

– Вот паршивец! Ничего, появится дома, я ему устрою! Леночка, ты не переживай, я так ему мозги промою, что как шелковый домой придет. И не давай ты ему денег! Зависимость у него, слаб он к такого рода авантюрам. Хоть и парень хороший, безумно вас любит. Ты сама знаешь, у каждого из нас свои слабости и недостатки имеются. Но мы справимся. Я помогу. Как там Анютка?

Далее наш разговор перетек в более приятное русло. Про дочурку я могу часами без усталости рассказывать. Сразу все проблемы уходят на задний план, Анютка, как солнышко за-слоняет собой все невзгоды.

Четыре дня от Вани не было ничего слышно. Нам с доченькой было хорошо. Гуляли, много играли. Все свободное время малышке посвятила.

Но больше всего меня пугает, что часто мыслями к психу возвращаюсь. Не про мужа думаю, как нам уладить разногласия, а звериную рожу вспоминаю. Никак в толк взять не могу, почему до сих пор из моей головы не исчез?

А ночами губы горят, будто только что целовал. Настолько реальные ощущения, что жутко становится. Тут же снотворное принимаю, мысли из головы непотребные изгоняю. Проблемы с Ванечкой не повод на других мужиков загляды-

ваться.

После работы, как обычно пришла в садик забрать малышку. А мне воспитательница сообщила, что ее час назад муж забрал. Вот тут у меня глаза округлились. Ваня практически никогда дочь не забирает. И вообще, он приехал? Мне не позвонил, не предупредил? Что происходит?!

Набираю его. Ответа нет. В голову сразу безумные мысли лезут. Бегу домой. Меня колотит, страх по венам расплзается. И ведь ничего такого не случилась, а на душе неспокойно. Перед глазами чернота от волнения. Вбегаю в квартиру. Замираю.

– Я уже заждался, любимая! – Ваня стоит с букетом цветов и улыбается.

Накрыт стол. Горят свечи. Муж в красивом элегантном черном костюме. Я сплю?

– А где, Анюта? – волнение за дочь не отпустило.

Пока не верю своим глазам. Слишком шикарная картина, чтобы быть правдой.

– Она у Инги. Нам надо с тобой пообщаться, Ласточка, – протягивает мне букет красных роз. – У меня было время все обдумать.

– Да... надо, – у меня шок. Ваня сам накрыл стол? Купил деликатесы? Он реально это для меня сделал?

Из оцепенения меня вырывает звонок в дверь. С букетом на негнущихся ногах иду открывать. Даже не спросила кто, не посмотрела в глазок. Скорее хочу вернуться в комнату к

мужу. Хочу услышать все. Неужели мы на пороге счастливых перемен? Неужели сможем оставить черную полосу позади?

Снова оцепенение. Открываю и закрываю рот, ни звука не могу выдать из себя. Снова шок.

– Привет, Лена, – хриплый голос пробирается под кожу. Это не мираж... Я действительно вижу психа на пороге своей квартиры...

Глава 9

– Оу, романтический вечер, – мне слышится в его голосе скрытая ярость. Хоть он и говорит на первый взгляд спокойно.

Зверюга проходит в комнату, по-хозяйски усаживается за столом. Ведет себя так, будто все ему тут принадлежит.

– Простите, а вы кто такой? – Ваня сделал шаг назад, смотрит на психа, часто-часто моргает.

– Стас, – сказал таким тоном, будто это все объясняет.

Я жадно впилась взглядом в его затылок. Во мне борются два желания, стукнуть его как можно сильнее и... обнять. В тот момент, когда увидела, меня охватила неподконтрольная радость. Стало легче дышать, словно все это время непонятная тоска сдавливала в тиски сердце.

Тут же пришли угрызения совести, я мужа не видела несколько дней, а ничего подобного не испытываю. А ведь Ваня старался... такой романтический ужин приготовил.

Что вообще зверюге надо? Уж никак не ожидала его встретить на пороге своей квартиры. Я вообще была уверена, что попрощалась с ним. Он ведь сделал тест... И пришел? На жалкую долю секунды меня охватили непонятные сомнения, будто я брожу по темному коридору, натываюсь на острые шипы и никак не могу ухватиться за нить, что выведет меня к свету. Я тут же отбросила их в сторону.

Псих снова разбередил мне душу. Снова будет все ломать. А ведь только все стало налаживаться!

– Стас уже уходит, решительно прохожу в комнату. – Простите, но вы тут нежеланный гость, – указываю рукой в направлении двери.

– Леночка, зачем так грубо, – муж вытирает ладони и брюки, подходит и протягивает руку Стасу. – Иван.

– Угу, – зверь откинулся на спинку стула, и даже не посмотрел на протянутую руку.

Конечно, мы для него низший сорт. Пришел унижать нас в собственном доме.

– Выметайтесь! – повышаю голос. Какое счастье, что Анютки дома нет.

– Лена, ты сама любезность, – взгляд черных омутов устремляется в мою сторону, меня тут же бьет удар тока, двести двадцать минимум. – Я пришел с выгодным предложением.

– Нас ничего не интересует!

– Я хотел вас поблагодарить за подарки, было очень любезно с вашей стороны, – голос Вани – сладкая патока, он так мило даже со мной никогда не говорил.

Муж ведь явно сопоставил факты, сразу понял от кого подарки. Он ведь ревновал тогда! Так почему сейчас растекается перед ним лужицей? Заискивает? Где его мужской стержень? Ведь понятно, что я не просто так веду себя агрессивно. Значит, перед нами враг! Почему не поддерживает меня?

Сейчас надо выгнать этого хама, иначе чувствую быть беде.

– Знатная получилась распродажа. Соседи урвали брендовый шмот за бесценок, а жена так и ходит в старой куртке, – зыркнул на мужа так, что он моментально сгорбился, будто уменьшился в размерах. – Кто вам дал право, Иван, – выплюнул его имя, – Распоряжаться чужими подарками?

– Я... это... я... – теперь муж стал заикаться, лицо позеленело, руки трясутся. – Я не хотел... так получилось...

Мне стыдно за мужа. Почему он не может нормально ответить? И мне страшно, от такой осведомленности психа. Даже уехав, он продолжал следить за каждым моим шагом. В какую ловушку он меня загнал? Ведь явно не просто так вернулся.

– Вы подарили их, Стас, и не ваше дело их дальнейшая судьба.

По-хорошему мне бы предложить вернуть ему деньги. Но у меня их нет. И в этом вопросе, увы, на мужа, тоже надежды нет.

– Мне параллельно, – пожал плечами, – А как тебе, Лена? Что следующее он продаст? Ах, прости, у вас же больше ничего нет. Осталась только ты, – режет меня лазами словно лезвиями, физически ощущаю порезы на коже.

Зверюга зол, его ярость искрит, но внешне он остается абсолютно спокоен.

– Станислав, вы правы мы живем очень скромно, и если вы сможете нам помочь, то мы будем вам признательны, –

муж подходит к столу, – Желаете что-то выпить, чай кофе, что покрепче?

У меня глаза кровью наливаются. Как? Как мой муж может лебезить перед человеком, который в открытую поливает нас помоями? Он унижается! Предлагает ему угощения, приготовленные для нашего вечера. Но с ним я потом разберусь. У зверюги поистине уникальная способность поганить все, к чему он прикасается.

– Пошел вон! Убирайся из нашей квартиры! – кричу, надрывая голосовые связки. Не помню, когда я была в таком бешенстве.

– Это моя квартира, Лена, – бархатная, холодная сталь его голоса проходит по моим оголенным нервам.

– Уточните, пожалуйста, о чем речь? – Ваня стал белым как полотно. Верхняя губа дрожит, левый глаз нервно дергается.

Мне дурно. Сто процентов – это очередные происки психа. Мне страшно, как далеко он зашел в своем безумии. В то, что тугой кошелек дает слишком много власти и порождает безнаказанность, не сомневаюсь. Но все же не ожидала, что зверюга пойдет так далеко. Мыслей, что это все шутка у меня нет. Просто так ко мне в дом он бы не пришел, его «талант» – сеять разруху и ломать чужие судьбы.

– Что ты сделал? – голос дрогнул. Боюсь услышать ответ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.